

Two young women with long hair, wearing white dresses and flower crowns, are standing in a shallow pond or stream. They are both reaching out with their hands, creating a large splash of water that is captured in mid-air. The background is filled with tall green reeds or grass.

Пусть настроение всегда будет солнечным!

ТАТЬЯНА ВЕДЕНСКАЯ

ЗАГАДАЙ
ЖЕЛАНИЕ

A young man and woman are lying on their sides in a field of green grass and small white flowers. They are wearing light-colored, button-down shirts. The woman is resting her head on the man's chest, and they are both looking towards the camera with soft expressions. The lighting is warm and golden, suggesting late afternoon or early morning.

Татьяна Веденская

Загадай желание

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6528277

Веденская Т. Загадай желание : роман : Эксмо; Москва; 2014

ISBN 978-5-699-69344-3

Аннотация

Говорят: если в сердце твоём живет сильное желание, оно непременно сбудется. А еще говорят: если желание не сбудется, то его и не было. Правда это или нет, решили проверить четыре подруги – Анна, Олеся, Нонна и Женя. Каждая загадала свое сокровенное желание и выпустила на волю – пусть плывет по воде вместе с венком из весенних цветов. Прибьется к берегу, значит, не судьба – желание не исполнится. Если же поплывет вдаль, уносимое быстрым течением, значит, жди, скоро сбудется... Только жизнь... такая забавная штука! Все желания подруг исполнились. Но того ли они хотели?

Содержание

Спасибо, Господи, за пятницу	4
Почему опоздала Олеся	4
Почему Женя пришла вовремя	15
Почему опоздала Нонна	27
Явление Анны	35
Настоящая любовь не умирает	54
Voodoo people	72
Бабы – дуры, четыре штуки	93
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Татьяна Веденская

Загадай желание

Моему мужу

Твое терпение поражает!

*Особая благодарность Алдоне Кутрайте. За
долгие разговоры, которые мы ведем с таким
удовольствием*

*Все совпадения с реальными людьми, именами и
событиями случайны.*

Спасибо, Господи, за пятницу

Почему опоздала Олеся

Все самое хорошее в жизни происходит случайно и когда ты этого не ждешь – так, кажется, говорят. Олеся Рожкова, двадцати двух лет от роду, двадцать из которых она мечтала о том, что станет новой Сарой Бернар, стояла на ступеньках подъездной лестницы, прислушивалась к тому, что происходит двумя этажами выше, за дверью, ведущей в ее собственную квартиру. Она думала о том, что плохое, соб-

ственно говоря, тоже происходит, когда его совсем перестанешь ждать. Наверху было тихо. Что делать дальше, Олеся не знала. Не имела ни малейшего понятия, что, впрочем, было для нее неудивительно и не редкость. Страстная натура, творческая душа, никакого тебе самоконтроля, никакой логики, одна сплошная эмоция. Другое было странно – то, что ее чувства не изменились ни на грош за весь прошедший год. А еще говорят, что время лечит.

Олеся забежала домой на минутку. Ей нужно было только переодеться и смыть с лица остатки дурацкого клоунского грима. Не в таком, о, не в таком виде она мечтала предстать пред раскаявшимся Максимом. Сколько раз Олеся прокручивала в своей голове эту сцену – он, осознавший, какую роковую ошибку совершил (подлец), падает пред ней ниц и молит вернуться. Она уже, конечно, звезда и лучшая подружка Кати Климовой или там Светы Ходченковой, хотя... Возраст слишком разный, не пойдет. Да и кто из актрис способен на настоящую дружбу?.. Другое дело – девчонки.

Хорошо, не в этом счастье. Не это главное. Главное, чтобы Максим – упал ниц и раскаялся. А Олеся – звезда в коктейльном платье, небрежно поправила бы выбившуюся из прически черную прядь и сказала бы ему: «Поздно, милый». Олеся много раз мечтала об этом. Репетировала, как именно она поправит эту самую прядь. Даже стричься стала немного иначе, чтобы прядь была еще более непослушная – ей новая прическа шла. Олеся знала роль назубок, еще бы, столько раз

репетировала перед большим бабушкиным зеркалом. Безразличие получалось все лучше. Недавно, а если быть точной, то в прошлую пятницу, на их еженедельных посиделках у Анны, Олеся даже сказала, что в самом деле больше не думает о Максиме. И ведь она не врала, а только отметила с удивлением, что неделю, не меньше, не вспоминала о нем. Девчонки отреагировали по-разному.

– Ты просто была занята, вот и отпустило немного, – пожала плечами Нонна и со свойственной ей черствостью добавила, что человек, который все еще рыдает каждый раз, когда слышит песню «Free Love», не вполне преодолел свое чувство.

– И все-таки это уже большой шаг вперед. Все у тебя получится, ты забудешь его и будешь счастлива. – Сострадательная Анна, как всегда, поддержала слабейшего, то есть Олеся.

Нонна фыркнула себе под нос, раскладывая на столе карты с ловкостью профессионального картежника, и буркнула что-то про то, что «кто бы говорил» и «чья бы корова мычала». Женька добавила только, что Олеся хотя бы страдает из-за несчастной любви, а самая большая проблема у нее, у Женьки, – сама Женька. И тут же начала свою «заунывную» о том, что с такой самооценкой, как у нее, у Женьки, люди вообще вешаются. А еще у нее ноги толстые, из-за чего новые брендовые шорты от Guess на нее не налезли, даже те, что на размер больше.

– Понеслось! – покачала головой Нонна. – Так, девочки,

не берем крестей. Сосредоточьтесь, плиз, на преферансе.

Эта пятница показала, насколько Нонна была права. Олеся совсем ничего не преодолела, даже на мизинчик. И не стала звездой. Все, что изменилось в ее жизни после того, как ей дали диплом выпускницы «Щуки», это... ничего. Ничего не изменилось. Есть люди, которые родились под счастливой звездой. Они поражают преподавателей в самое сердце, им случайно встречаются на улицах великие режиссеры, которые как раз ищут их, чтобы вручить совершенно уникальную и, конечно же, главную роль.

А есть все остальные. Есть Олеся. Учеба в «Щуке» была восхитительной, но результат – работа в массовке на «Мосфильме»? Аниматор на утренниках? Эпохальная роль карьеры в рекламе зубной пасты? О, да, Олеся с ужасом думала о том, что Максим тоже может увидеть, как она, загримированная под страхолюдину и с замазанными черной пастой зубами, крадется к жующему пончик человеку, чтобы лишить его улыбки. Черт, кто придумывает эти рекламы? Конечно, Максим ее увидел!

– Я хотел поздравить тебя. Я так понимаю, что твои мечты о большой сцене сбылись? – сказал он, когда, несколько минут назад, Олеся открыла дверь своей квартиры и оказалась лицом к лицу с Любовью Всей Своей Жизни. И что это – раскаяние? Разве это должен говорить мужчина, который хочет вернуть себе девушку?

– Откуда ты тут взялся? – пробормотала она.

Он здесь? Как это возможно? Зачем он вернулся? Чего он хочет? Он что, подстригся? Похудел? Загар ему к лицу. Я умираю, когда вижу его. Я умираю, когда его нет рядом. Я не могу дышать.

– Ты забыла? У меня есть ключ. – Максим показал связку, и Олеся моментально вспомнила, как он уходил. Как они сидели рядом в прихожей, он был в бежевом свитере, который связала Анна, а она, Олеся, была в слезах. Максим говорил что-то о несоответствии взглядов, о том, что он задыхается и что ему нужно знать, что он свободен, раз уж он уезжает. Мало ли что. Он не хочет ее держать.

А она хотела, чтобы он ее держал. Она задыхалась от одной мысли, что они станут чужими, она не хотела *оставаться друзьями*. Она не хотела слышать ни одного из его аргументов – от них становилось только хуже, только больнее. Все, о чем она могла думать, – что он не придет больше вечером, не станет ворчать о том, что в его новостном агентстве работают одни козлы и свиноты, что они не будут лежать рядом, и она не сможет прикоснуться к нему. Он ушел со словами: «Я сейчас вернусь», которые слились в одно «ясейчасвернусь». Отзвуки этой фразы еще долго мучили Олеся, внушая ложные надежды. На поверку вышло, что Максим ровно ничего под этим не имел, он сказал это только для того, чтобы Олеся перестала рыдать и цепляться за него. Что-

бы дала ему уйти.

О, как она ненавидела себя в тот момент! Какой жалкой она была. Никакого достоинства, никакой гордости. Она не могла понять, как будет без него жить. Если бы не девчонки – она бы, наверное, не сдюжила. И в самом страшном сне она не могла себе представить, что он появится вот так, без предупреждения. Если бы знала, то заставила бы его отдать ключи. Впрочем, кого она пытается обмануть? В первые месяцы после его ухода – после того, как они прожили вместе почти два года, – она постоянно прислушивалась, не поворачивается ли в замочной скважине этот самый ключ.

– Ну, рассказывай! – Максим широко улыбнулся. По нему и не скажешь, что этот человек почти год болтался по миру, пешком прошел по Чили и Мексике, торчал в Италии едва ли не всю зиму. Сияет, как модель для модного журнала.

– Чего рассказывать? – Олеся встала на пороге, не зная, шагнуть ли к нему навстречу или, напротив, бежать без оглядки.

– Как ты тут жила без меня. Я вижу, аккуратнее ты не стала. – Он обвел внимательным взглядом комнату, остановился чуть дольше на сваленной в кучу старой одежде, которую Олеся собралась рассортировать и часть повыбрасывать. Выбрасывать вещи – это полезно для подсознания, так, по крайней мере, считает Нонна. Хочешь выбросить из головы бойфренда? Выброси старую яйцерезку, тем более ты все равно не знаешь, как ею пользоваться. Олеся наделала

куч из старых вещей, но до помойки так и не дошла. Черт, надо было же! Сколько времени она хотела разобраться!

– Э... разве это теперь твое дело? – выдавила из себя Олеся, но щеки уже предательски покраснели. Зато она вдруг вспомнила, сколько вечеров они с Максимом провели, выясняя отношения как раз после такого вот его комментария – он всегда был на них щедр.

– Ого! – Он улыбнулся еще шире. – Моя девочка научилась показывать зубки!

– Я не твоя девочка, – пробормотала Олеся, слабея от того, как это прозвучало – «Моя девочка».

– Я скучал по тебе. Все это время я думал – надо было заставить тебя меня ждать. Нельзя было тебя отпускать. – Максим сделал шаг вперед, и Олеся почувствовала панику. Если он прикоснется к ней, все будет кончено. Она не сможет устоять. А у нее дела, у нее свои планы... Какие, кстати? Какие же у нее были планы, черт... Олеся нахмурила лоб. Ах да, пятница. Девчонки, преферанс.

– Ты сам ушел... тогда. Никуда ты меня не отпускал.

– Я думал, так будет лучше. – Он остановился около стены в коридоре, где принялся с удивлением разглядывать «Спираль» – своего рода наскальный рисунок, который Олеся нанесла на стену по совету той же Нонны для гармонизации пространства. Ну, и чтобы зарисовать протечку. На ремонт у Олеси, знаете ли, денег нет. – Что это? Не пойму, это чем намазано тут?

– Это... это спираль времени.

– О, Господи, Олеся! Ты в своем репертуаре. Все еще веришь во всякую ерунду? Ладно, я по этому тоже скучал. Ты знала, что я чуть не умер во Вьетнаме?

– Тебя поймали экстремисты? – Олеся округлила глаза.

– Я подцепил кишечную палочку. – Максим расхохотался. Смех его был таким же заразительным и магическим, как год назад. Протянув руку, он подошел к Олеся так близко, что она в страхе замерла. «Сейчас все кончится, – подумала она. – Или снова начнется». И не будет пятницы, не будет девчонок и разговоров по душам, не будет преферанса, в который она вечно продувает Нонне, потому что не умеет жульничать. И не будет самодельного мохито, который Анна готовит из дачной мяты Нонны. Вообще ничего больше не будет.

Ее Мастер вернулся в ее мир и предъявляет на нее права. Она снова будет принадлежать ему – не себе. Ни дня она не принадлежала себе, пока Максим был с ней, когда они были вместе. Вместе – не то слово. Она билась, как муха в паутине, но больше всего боялась, что он отпустит ее. Впрочем, не это ли случилось в один ужасный день? Это было неизбежно – такой уж человек был Максим, не из тех, с кем можно жить счастливо, и не из тех, от кого можно уйти.

– Ты будешь страдать без меня. Не стоит сопротивляться, – заметил Максим флегматично.

Эти слова Олеся тоже помнила. От них ей было физически больно, словно ее скручивали цепями. Максим имел необъяснимую власть над ней. Возможно, магия, возможно, гормоны. Может быть, любовь? Нет, это вряд ли.

– Если хочешь, я сейчас же уйду и больше никогда не вернусь, – сказал он, зная, что она ни за что не согласится на это.

Олеся почувствовала, что начинает задыхаться. Она не хотела, чтобы он вернулся в ее жизнь. Она боялась его как огня. А ведь ее недавно пригласил на свидание один режиссер, и она, конечно же, ответила ему согласием. Он был приятным и собирался снимать фильм о провинциальном театре. Олеся он нравился. Что же будет теперь с ее жизнью?

– Хочешь, чтобы я ушел? – нахмурился Максим.

Именно в этот момент Олеся вдруг придумала, что делать со всей этой ситуацией. И это был огромный прогресс, между прочим. Она вздохнула поглубже и усилием воли отвела взгляд от пронзительных зеленых глаз Максима.

– Я СЕЙЧАС ВЕРНУСЬ, – выдавила она из себя, схватила сумку, пулей вылетела из квартиры и побежала вниз по лестнице. Через два пролета она остановилась и прислушалась. Если бы Максим побежал за ней, все было бы кончено. Если бы он обнял ее и поцеловал, все было бы кончено. Если бы он накричал на нее, все было бы кончено. Она посмотрела вверх – вдруг он стоит на лестничной площадке и смотрит? Но было тихо, и Максим за ней не побежал. Сто пудов, он остался сидеть в квартире и ждать – такое уже бывало рань-

ше, она пыталась устраивать истерики, хлопала дверьми, запиралась в ванной комнате, уходила в магазин... Но всегда возвращалась. Так что зачем бегать? Олеся почувствовала вибрацию телефона раньше, чем он зазвонил. Чтобы звонок не прогремел на весь подъезд, Олеся тут же ответила. Звонила Женька.

– Алло? Ну, ты где? – раздался возмущенный голос. – Где вы все вообще? Я приехала, а тут только Баба Ниндзя и Ванька. **ВАНЬКА!** Ты знаешь, как я к нему отношусь! А никого нет – ни Нонки, ни Анны. Издеваетесь? Я к вам из Жулебино перлась по пробке и то не опоздала! Совсем охамели.

– Я уже еду, – прошептала Олеся, спускаясь по лестнице. Она мысленно представила спокойное, безмятежное лицо Анны и тут же почувствовала прилив сил. Анна – тот самый человек, который поможет ей выстоять. Анна сможет удержать ее от глупостей. Анна улыбнется своей безупречной улыбкой Моны Лизы, и все проблемы исчезнут.

– Что? Я говорю тебе, если вы немедленно не появитесь, он меня разрушит как личность – окончательно, а я и так себя ненавижу. Ты скоро будешь? – Женька не слушала, что ей говорили, потому что, когда она была взволнована, всегда говорила сама. Так что Олеся просто нажала кнопку «отбой» и вылетела из подъезда, стараясь не думать о том, что Максим, возможно, смотрит в окно. Она быстро пересекла двор и помчалась к дому Анны. Она подумает об этом завтра. Может быть, когда вернется домой, Максима в квартире

уже не будет, и ей удастся убедить себя, что он и не приходил? Может, все обойдется. Господи, как же ей не хотелось снова его полюбить!

Почему Женя пришла вовремя

Можно ли изменить себя? Этот вопрос волновал Евгению Славянову с самого рождения, вот уже двадцать девять лет. Во всяком случае, с тех самых пор, как она себя помнила. Даже в детском садике, где положено прыгать на кровати и наслаждаться детством, Женя вела борьбу за место под солнцем. Чтобы с ней дружили, она отдавала вкусные кексики и сосиски в тесте. Это работало, но от недоедания Женя росла худенькой и бледной. А мама ее за это все время ругала.

– Люди подумают, что я тебя не кормлю. Ну-ка ешь кашу, Евгения! И поправь воротничок. Откуда у тебя пятно на фартуке?

– Оно тут уже было, – оправдывалась Женя.

– Глупости. Просто у тебя руки не из того места растут. Соседи, поди, считают, что я тебе одежду не стираю!

Маму было не переспорить. Впрочем, в большинстве случаев она была права. Женя пыталась, честно пыталась стать лучше, чтобы нравиться маме. Да что там маме! Женя старалась угодить подругам, любой ценой заслужить любовь учителей, одобрение сторожихи из раздевалки, уважение тренера по плаванию, улыбку мальчика из параллельного класса. Она чувствовала, что ей просто необходимо нравиться людям. Всем без исключения. И вскоре это привело к тому, что буквально все вокруг стали ее презирать. Одноклассники ис-

пользовали ее так, как им взбредет в голову. Женя стояла на шухере, если нужно было украсть классный журнал. Она попробовала курить, только чтобы не разочаровать стайку «неблагополучных», которые не без удовольствия с ней игрались, как кошки с загнанной мышью. Она приносила из дому деньги и мамину косметику и отдавала все это только за то, чтобы ее взяли попрыгать в резиночку.

– Ну почему я такая невыносимая! – жаловалась Женя плакату с Дитером Боленом, который смотрел на нее понимающим взглядом и улыбался. Иногда по-доброму, а иногда едко, с издевкой. Даже Дитеру она не слишком-то нравилась.

Несколько раз Женя пыталась начать новую жизнь: когда поступила в институт, пару раз в течение учебы и когда выпускалась из него. Женя читала умные книги и журналы, – но не те, которые можно купить в любом киоске, действительно умные, написанные профессиональными психологами и для профессиональных психологов. Женя много училась, работала над собой, ходила на семинары. Все, что она хотела, – это любить. Конечно, хотелось бы быть любимой в ответ, быть счастливой, найти взаимопонимание. Нормальные мечты о том, чтобы найти Человека – вторую половину. Мало ли где, мало ли когда. Но хотя бы полюбить самой того, кто позволит ей это. Женя была готова полюбить практически любого.

Результат был один и тот же – она пыталась произвести впечатление на людей, а они пользовались этим. Годам к два-

дцати пяти Женя смирилась и пошла другим путем – путем духовных практик. Она пробовала йогу, пробовала Рейки, медитировала под буддистскую музыку и однажды домедитировалась до того, что реально попала в транс. Как-то раз очередной гуру сказал ей, что у нее имеется недостаток зеленой энергии, что было не слишком понятно, и что ей необходимо ежедневно медитировать по сорок минут на тему приятия себя в мире и мира в себе. Это было более понятно. После этих слов гуру произвел некоторые загадочные манипуляции с Жениным телом, отчего каждая косточка и каждый сустав захрустели, а потом вдруг стало тепло и Женя почувствовала, что ей на все наплевать.

– Господи, как хорошо-то! Можно, я буду ходить к вам три раза в неделю? – взмолилась Женя, которой то, что сделал с ней гуру, понравилось куда больше, чем то, что с ней обычно делали мужчины.

– Я уезжаю на Тибет на все лето. А вам необходимо избавиться от внутренней матери. Вы уже выросли, так что пора перерезать пуповину, – сказал гуру и исчез. Однако его появление в Жениной жизни изменило все. Ну, или почти все. Так, по крайней мере, считала сама Женя.

– Он показал мне, кто я есть на самом деле! Я больше не стану отрицать собственную природу. Да, я такая. Другой меня нет и не будет. Что же мне теперь, не жить полной жизнью? – говорила она, размахивая руками. Конечно, несколько смущал тот факт, что и в двадцать пять лет она говорила

это Дитеру Болену.

Однако изменить себя по-настоящему нельзя за пять минут. Зато теперь Женя знала, что изменить себя возможно, только если ты по-настоящему узнаешь и примешь себя.

А кроме этого, Женя решилась и, по совету гуру, перерезала пуповину. Ушел где-то год на то, чтобы решиться. У Жени была стабильная работа, нормальная и даже высокая зарплата, но все же... это был большой шаг – уехать из родной квартиры. Мать, конечно же, считала это очередной дурью неудачницы дочери. Вторая дочь, Женина сестра Екатерина, была совсем другой, она не была дерганой, как Женя, не была жалкой, не совершала глупостей, к тому же она была замужем. А как оценить женщину, которая к двадцати пяти годам сидит одна-одинешенька? Ни детей, ни даже постоянных отношений.

– Но я же и говорю, что, если я буду жить одна, у меня будет больше шансов на устройство личной жизни, – оправдывалась Женя.

– Дело не в том, что ты живешь со мной, – морщилась мама. – Ты посмотри на себя.

– А что теперь-то со мной не так? – Женя смотрела в зеркало и, хотя ей не слишком нравилось ее лицо (руки, ноги, плечи, улыбка, осанка, форма носа, коленные чашечки, цвет волос и все, что следует далее), она все же признавала, что данное ей богом тело запаковано теперь в подходящие шмотки от хороших, дорогих брендов. Волосы пострижены, вытя-

нуты и превосходно уложены, косметолог помог справиться с проблемами кожи – она теперь вполне ровная и красивого оттенка. Рост... ну, тут уже ничего не поделаешь. Впрочем, хорошие сапоги на высоком каблуке легко все исправят.

– Ты слишком много времени уделяешь работе.

– Мне же нужно зарабатывать! – возмущалась Женя, вспоминая, во что ей обошлось черное пальто, в котором ее бедра не выглядели толстыми. Половина зарплаты! Зато потом можно было месяц не есть.

– Мужчины не любят карьеристок. А ты слишком независима. Теперь еще и квартира эта. Будешь совсем как бизнес-леди. Еще кошку себе заведи.

– Мама, у тебя же есть кошка.

– Это не одно и то же!

В общем, этот разговор никогда не заканчивался и никогда ни к чему хорошему не приводил.

Именно по этой причине, когда встал вопрос о том, где снимать квартиру, Женя выбрала ту, которая располагалась практически на другом конце города – в Строгино. Если уж резать пуповину, так уж чтобы ни одного шанса на то, что она уцелеет. Чтобы даже просто навестить мать и сестру в их Беляево, Жене пришлось бы просидеть два часа в пробке. Так что пуповина разлетелась на мелкие куски. Это произошло четыре года назад, и сама Женя считала, что с тех пор в ней произошли значительные позитивные изменения. Она

все еще ненавидела себя, но уже не делала из этого большую проблему. Да, у нее все еще не было Человека, но зато у нее была Анна, а это многого стоило. Наконец-то у нее появилась подруга, с которой можно было быть собой. К тому же подруга умела ее так хорошо постричь, что она после этого три дня чувствовала себя настоящей королевой и красавицей. Ради одного знакомства с Анной стоило переехать в Строгино. Все, кто знал Анну, понял бы, о чем говорит Евгения Славянова. Анна была – как мать-земля, она примиряла врагов и умиротворяла стихии. До тех пор пока дом Анны будет стоять на месте, окнами на Строгинский затон, мир будет нерушим.

Что же касается Человека... Именно по этой причине, собственно, Женя и не опоздала к Анне сегодня, хотя искренне надеялась, что сегодня вообще не сможет приехать. Женя надеялась быть в совершенно другом месте – на свидании с Мужчиной ее Мечты (сокращенно МММ), ее непосредственным руководителем Алексеем, по которому Женя сохла уже полгода. Она думала, что дело, наконец, сдвинулось с мертвой точки после того, как Анна научила укладывать волосы в прическу «сонная принцесса».

– Чем занимаешься сегодня после обеда? – спросил ее Алексей, едва увидел на крыльце офиса их маркетингового агентства на «Щукинской».

Женя зарделась. Вот она, сила правильной укладки.

– До пятницы я совершенно свободна! – улыбнулась она.

МММ почесал за ухом.

– Но сегодня пятница, – напомнил он.

– Я шучу. А что? – обрадовалась Женя.

– Ты не могла бы мне помочь? – спросил МММ и посмотрел на нее так жалобно, что Женино сердце тут же затрепетало. Помогать – это было как раз то, что она умела делать лучше всего. Она ему поможет, они будут делать что-то вместе с ним, да еще и разговаривать. Она НИ ЗА ЧТО НА СВЕТЕ не будет собой, и это ему понравится. Они пойдут пить кофе вместе, будут болтать о том о сем – она будет слушать его и восхищаться.

– Конечно, могу, – кивнула Женя, и через пять минут МММ вручил ей накладную и пять тысяч рублей.

– Нам обязательно нужно выкупить три коробки плитки, а то у них они заканчиваются, а нам не хватило на крыльцо.

– Плитку? – растерялась Женя.

– У меня совещание. Я вообще не понимаю, почему это свалили на нас. Но... ты слетаешь? Они тебе все погрузят, а мы здесь все разгрузим. Прикроешь меня? Я на тебя надеюсь, на кого еще мне рассчитывать! – Алексей улыбнулся, и дело было кончено.

Вместо свидания Женя поперлась в Жулебино за гранитной плиткой. Вот это и было ее Большой Проблемой. Кому придет в голову отправить за тяжелой (по двадцать пять кило в пачке) плиткой именно ее. Стройную и хрупкую девушку двадцати девяти лет, в прекрасных замшевых туфлях

Jimmy Choo с открытыми носками и в юбке GUESS?! Но как бы она ни выглядела, на ней словно вывеска висела – «Используй меня как хочешь. Я согласна на все». А ведь ей нужно было совсем немного – просто любить. И она совсем не была страшенькой. Она была просто не слишком уверенной в себе. Но почему-то куда более страшные девахи крутили романы, а ее отправляли за гранитной плиткой.

Потом Женя с изумлением наблюдала, как рабочие в оранжевых жилетах кладут эти три пачки прямо на асфальт и самоустраиваются. Пять метров до машины, потом подъем, потом обратный путь в офис на «Щукинской» – все это вместо свидания. Когда же она вернулась с плиткой на работу, Алексея уже не было. МММ отчалил пораньше, чтобы миновать пятничную пробку. Женя разгружала плитку сама. Даже с учетом того, как тяжело ей было, времени это заняло всего какой-то час. К шести часам Женя была уже абсолютно свободна, хотя это ее и не радовало. Она бы хотела провести вечер как-то иначе, но никак не в обществе Анниного братца-раздолбая, волосатого хиппи в широченных шароварах и с фенечками на запястьях. Но лучше уж хоть какое-то общество, чем никакого. Ей нужно было с кем-то поделиться.

– Интересно, я все еще могу иметь детей? Вполне возможно, что после того, как я тащила эту жуткую плитку, у меня их уже не будет. Но мне и не надо, знаешь ли. Я даже боюсь представить, каких детей я могу воспитать, с моим-то характером и ненормальной психикой. Такое не лечится, верно?

– Но почему ты согласилась на это? – спросил бесполезный Ванька, развалившись на огромном диване в центре гостиной. Квартира Анны была уникальной в своем роде. Башня-новостройка со странной летающей тарелкой на крыше продавалась в свое время со свободной планировкой, и Владимир, муж Анны, спланировал общую зону кухни, гостиной и столовой, соединенных широкими арками. Он говорил, что теперь будет где собраться их семье, а поскольку семья была действительно большая – трое детей, свекровь, брат Анны и бесчисленные подруги, гостиная никогда не пустовала. Жаль только, что сам Владимир там так и не посидел.

– Потому что я – дура, – фыркнула Женька. – Такая у меня судьба. Не могу отказать.

– А я бы тебя тоже за плиткой посылал, – пожал плечами этот мелкий мерзавец Ванька после секундного раздумья.

– Убью, – предупредила Женька.

– Принеси мне пива, а?

– Покалечу!

– Только бери холодное, ладно?

– Сволочь ты, Ванька! – Женька надулась, но Ванька только хмыкнул и полез в Аннин холодильник. Тогда Женя продолжила, потому что он был неправ, совершенно ошибался на ее счет. – Вообще, предполагалось, что мне ее погрузят в машину. МММ не мог знать, что они мне эту чертову плитку на асфальт выложат?

– Обычно всем и грузят. Но только не тебе, верно?

Женя посмотрела на Ваньку с ненавистью, но все же знают, что ему, как говорится, что в лоб, что по лбу. Непробиваемый. Тогда Евгения решила нанести ответный удар:

– А ты почему тут торчишь? У тебя разве не сессия? Разве не положено студентам в мае круглосуточно корпеть над учебниками?

– Не в этом счастье. Ты знаешь, я к институтам отношусь спокойно, – заявил этот поганец, в анамнезе которого действительно уже имелся один брошенный институт. Да и в этом, нынешнем, Ванька не перетруждался.

– А как ты к армии относишься? – хмыкнула Женя.

– К армии я никак не отношусь, слава богу, а еще четыре года, и она ко мне не будет уже никак относиться. Мне бы только до двадцати семи продержаться. А тебе, Женя, надо учиться говорить «нет». Хочешь, я тебя потренирую? – как ни в чем не бывало предложил Ванька, поедая бутерброд с котлетой. – Возьму недорого.

– Ты бы лучше сам сказал «нет» самому себе. Что ты все поедаетшь запасы своей сестры? Не стыдно? Анна в лепешку сбивается, чтобы всех вас тут прокормить! Ты не пробовал есть у себя дома? Или привезти сюда продукты? Сколько тебе лет, что ты ведешь себя, как ребенок?

– Уфф, как страшно. От Анны не убудет, если я пирожок съем. А насчет возраста – хочешь поиграть в эту игру? Изволь. Мне – двадцать три года, а тебе? Что, не скажешь? И

правильно, в таком возрасте уже на пенсию уходят, – усмехнулся Ванька и достал остатки вишневого пирога.

Бесполезно взывать к тому, чего у человека нет. К тому же руки Евгении сами собой потянулись к пирогу, и она тоже взяла кусочек. Анна умела печь пироги, как никто другой. Нонна, Официальная Лучшая Подруга Анны, говорила, что именно из-за пирогов Анны она еще в переходном возрасте набрала свои лишние двадцать килограмм, и теперь ей приходится героически худеть. В этой войне Нонна была пока проигравшей. Но она предпочитала говорить, что, во-первых, это не война проиграна, а только несколько сражений. Во-вторых, она работает на сидячей работе, живет в стрессе, не высыпается, а к тому же в Москве теперь стал такой воздух, что в нем вообще не выжить. А если еще не есть... Кстати говоря, где ее носит? Все они договорились встретиться в семь часов у Анны, как обычно по пятницам. Уже семь часов двадцать минут. Уж Нонна-то могла бы не опаздывать. В конце концов, работая учительницей, должна бы она быть пунктуальной. К тому же ее школа располагается буквально в нескольких кварталах от дома Анны – в пробку бы она точно не попала.

– Алло? – Женя набрала номер Нонны, но абонент был временно недоступен.

– Жрет где-то, – уверенно заявил Ванька.

Женя возмутилась и принялась защищать подругу, но в целом в этот раз он мог оказаться прав. Если Нонна опазды-

вала к своей лучшей любимой подруге Анне, то, скорее всего, ее усадили за какой-нибудь очередной стол по какому-нибудь очередному поводу. Нонна работала в школе учительницей английского языка, и поскольку коллектив был большим, то почти ежедневно там случались какие-нибудь посиделки по поводу то дня рождения, то годовщины работы в школе, то... «просто что-то захотелось тортика купить, такой красивый был и свежий...».

– Наберу еще раз. – Женька потянулась к телефону, однако в этот момент в дверь позвонили, и через мгновение в гостиную влетела Олеся – бледная и с каким-то близким к панике выражением лица.

– Где Анна? – спросила она так, словно от наличия той зависит чья-то жизнь. Но телефон Анны тоже не отвечал, и где она есть, никто не имел ни малейшего представления. Это было странно.

Почему опоздала Нонна

Сильнее всего на свете Нонна ненавидела детей. Конечно, чужих – своих у Нонны не было, слава богу. И, проработав пять лет в школе, она уже не была уверена, что так уж их хочет. Родители школьников по большей части не имели никакого представления о том, что есть такое их собственные дети. Дети хамили, матерились прямо при учителях (спасибо, что не на учителей, потому что и это бы Нонну уже не удивило). Дети стреляли сигареты у школьных охранников, а однажды один ученик десятого класса пронес на урок английского банку пива. На жесткое требование Нонны немедленно выбросить алкоголь и заняться уроком детина ответил, чтобы Нонна Аркадьевна «кончала бузить», и предложил ей пива.

– Холодное! – поделился он, искренне не понимая, из-за чего весь сыр-бор и зачем «немедленно к директору». За годы работы в школе у Нонны выработалось умение скрывать свои чувства, а от его ледяного командного тона даже Анна порой подпрыгивала на месте. Маска злюки помогала Нонне вбить в головы учеников хоть какие-то знания: базовые понятия о временах, формах глаголов, самые распространенные фразы на английском.

Жизнь в школе приносила массу интересного и занятного, или, вернее, абсурдного и бесполезного. Чаепития, дни

рождения в учительской, сплетни и бесконечные отчеты – короче, все, что угодно, кроме денег. Нонна не раз участвовала в разного рода абсурдных мероприятиях типа конкурса «народные умельцы России», когда всему учительскому составу приходилось мастерить поделки, которые, предполагалось, должны были делать школьники, и ее это уже не пугало. Болото засасывало.

– Эти дети рождаются такими или становятся? – интересовалась Женька, крайне далекая от проблем воспитания и оттого сохранившая исключительно романтические представления о семье и браке.

– Мне кажется, их можно сразу по выходу из роддома ставить на учет в детскую комнату милиции, – пожимала плечами Нонна. – Единственное, чем эти сегодняшние дети обладают – это высокой самооценкой. Такой высокой, что хочется взять и стукнуть их прямо по самооценке.

– А куда смотрят родители? – удивлялась Анна, ее дети были больше похожи на нормальных детей: они любили не только компьютеры, но и сказки, обожали лепить из пластилина. Нонна таких почти не встречала в своей школе.

– Родители. Вот отличный вопрос – куда смотрят родители. Большая часть смотрит в бутылку или интересуются только своей работой. Самые страшные – те, которые считают, что хорошее воспитание выражается в покупке самых дорогих и модных гаджетов и самой модной одежды. Эти дети смотрят на мир с презрением, и этому они научились у

своих родителей.

– Но а если с ними серьезно поговорить? – предлагала Женька.

– Поговорить? С родителями? Было бы неплохо, но некоторых я в глаза не видела ни разу за все те годы, что мучаюсь с их наглыми отпрысками. А однажды один так называемый «отец» мне вообще заявил, что будет очень признателен, если я заткну хавальник и перестану доставать его сына.

– Что?

– А то! А иначе хуже будет. Ночи-то темные, а дороги-то узкие, – развела руками Нонна.

Но это было, конечно, исключение. Обычно на родительские собрания удавалось заманить только треть родителей, и приходили как раз те, чьих детей можно было выносить и к кому у Нонны не было особых претензий. А производители тех ужасных шалопаев, которые мешали вести уроки и не поддавались никаким педагогическим приемам, никогда не являлись на собрание. Похоже, знали, что ничего хорошего их там не ждет.

Когда Нонна только устраивалась в эту школу после института – рядом с домом, удобный график, симпатичный историк, – она была уверена, что это только на пару лет, пока она не подыщет что-то более подходящее. Мужа, например. Но с тех пор концепция изменилась. Замуж Нонна больше не рвалась, хотя и не отбрасывала возможность такового поворота. Она просто перестала суетиться по этому вопросу.

После пары невразумительных и каких-то совсем неромантических романов Нонна утратила энтузиазм. Вера в то, что мужчины в женщине прежде всего ищут нежную, участливую и любящую душу, тоже как-то подугасла.

– Задницу они ищут красивую, вот и все, – уверяла она теперь. – А потом что? Сидеть и в одиночку тянуть детей, как Анна? Нет уж, спасибо. Или нормальный человек – или никакого.

– Никакого? – ужасалась Женька. – Неужели ты согласишься прожить всю жизнь в одиночестве?

– А неужели ты всю жизнь будешь стелиться перед мужиками, только чтобы они на тебя обратили внимание? – строго парировала Нонна.

– Я не стелюсь, – обижалась Женька.

– Сделай мне кофе, – командовала Нонна, и Женька немедленно бежала исполнять.

Анна только качала головой и улыбалась. И делала Жене салатик, чтобы та не волновалась, что поправится. Рядом с ней все чувствовали себя самыми лучшими. То, что Анна до сих пор никого не встретила – уже почти четыре года она жила одна, – было, по мнению Нонны, самой чудовищной несправедливостью и абсурдом. Уж Анна-то! Если бы она только захотела... Нонна столько раз предлагала. Да любой бы побежал, только бы поманила. Чай, не Женька, у которой на лице прямо написано, что об нее можно ноги вытирать. Но нет, Анна упрямо крутила головой и отказывалась от любых

предложений еще до того, как они были озвучены. Впрочем, надо признать, что с серьезными предложениями от серьезных мужчин сейчас были проблемы. Все больше попадались такие, как Аннин брат Ванюшка – сплошная легкость бытия, пофигизм и ничего больше. Или такие, как Олесин Максим – а уж от таких отношений, дорогой Господь, защиты и сохрани. Олесю Нонна подобрала три с лишним года назад и с тех пор продолжала опекать на правах старшего товарища и просто более опытной и умной женщины. Олеся была на пять лет младше, нуждалась в некотором руководстве мудрого наставника – а для Нонны не было ничего более «вкусного», чем кого-то учить и наставлять, а также спасать. Как только Олеся познакомилась с Максимом Померанцевым, спасать ее можно было хоть круглые сутки.

Сегодня Нонну задержали в школе, но не торттики, как предположили Ванюшка с Женей, а вариант № 2 – тупое мероприятие, вернее, его репетиция. Казалось бы, пятница, май, все нормальные люди должны лететь по дорогам Подмосковья на дачи. Ха-ха, лететь?! Ну, плестись. Неважно. Или хотя бы сидеть за огромным столом в доме Анны и расписывать пулю, обсуждая свежие сплетни, которых у одной Нонны имелся десяток. Вместо этого Нонна сидела в актовом зале на стуле на сцене, украшенной прошлогодними сушеными кленовыми листьями, которые постоянно крошились на пол, и читала вслух по ролям какие-то невероятно

бездарные стихи о Природе и Любимой Родине.

– В этом году в РОНО решили провести творческий вечер, который ознаменует собой окончание учебного года, – сообщила с постным лицом директорша Ольга Савельевна. Потом, оглядев потухший и тоскующий учительский состав, она поднатужилась и нацепила на лицо фальшивый энтузиазм и немного восхищения. Ужасные стихи принадлежали перу главы межрайонной комиссии РОНО, тучной женщины, которая уже много лет наводила ужас на директоров школ и которую за глаза звали комиссаршей.

– Прекрасные слова, не правда ли? – «сияла» Ольга Савельевна. – «И шепоток ручьев разбудит, и лист осенний опадет». Какой стиль!

– Ольга Савельевна, это же идиотизм, – осторожно высказалась Нонна. – Зачем им этот вечер? Для кого?

– Для всех нас, чтобы мы могли сблизиться, почувствовать корпоративный дух. От всех школ нашего округа будут выступать. Нам достался стих про осень.

– Скажите, а это самый длинный стих в ее арсенале, или у комиссарши были длиннее? – хмыкнул историк. – Потому что это своего рода рекорд – три страницы таких вот рифм. «Осень – Мы не просим». Кого и о чем? Или это – «Капая – Зацветая»? Это вообще не в рифму.

– Это белый стих, – фыркнула директорша.

– А это? «Желтая палитра – Сто четыре литра»! – зачитал историк, вызвав у большинства присутствующих дам такой

хохот, что директорше пришлось даже стучать линейкой по столу, чтобы усмирить педагогический состав.

– Если человек бездарен, он бездарен во всем! – выдохнула химичка, отсмеявшись. У нее, как это иногда все же случалось даже с учителями, завязался роман на стороне – за пределами школы, так что она страдала сейчас даже больше Нонны.

– От таких стихов не только лист, все опадет! – возмущенно бросил физрук, который, как и историк, пользовался льготами из-за того, что был мужчиной, и надеялся избежать позорного участия в «корпоративе». Но тут был другой случай, комиссарша отдельно пожелала, чтобы все доступные мужчины обязательно участвовали – ее стихи как нельзя лучше сочетаются с мужским тембром.

– Почему вообще все потакают этому идиотизму? – поинтересовалась учительница литературы и русского языка, которую от комиссаршиной «поэзии» буквально выворачивало наизнанку. Она любила Пастернака и Цветаеву, так что ей было особенно тяжело переносить «шепоток ручьев».

– Потому что нам нужны фонды на ремонт первого этажа и спортзала. Значит, так, – отрезала Савельевна, – каждому даем по строчке. А чтобы звучать чуть подольше, будем повторять строчки вместе.

– А еще можно разыграть в лицах, – вытянула руку Нонна. – Я могу быть «лист». Я могу опадать в оркестровую яму.
– Отличная идея.

– Что? – нахмурилась она.

– Все шутите? Между тем можно действительно как-то оживить читку.

– Оживить труп невозможно, – возразил историк.

– Мы можем показывать слайды с красотой и ручьями, – радостно предложила директриса.

– О, нет! – застонали учителя.

Нонна уронила голову на плечо соседки и закрыла глаза. Она любила пятницу у Анны даже больше своей дачи под Солнечногорском, она любила преферанс, любила сплетни и их компанию, даже Ванюшку любила за то, как изящно он терзает Женьку. Она была не готова показывать слайды, она хотела домой.

Но когда ей удалось высвободиться из пут комиссаршиного творчества и долететь (буквально двадцать минут пешком) до дома Анны, выяснилось, что спешила и переживала она напрасно. Подруги все еще не было дома. И на звонки она не отвечала.

Явление Анны

Нонна огляделась вокруг в растерянности, но ни лицо ослабленного Ванюшки, ни бледная и явно чем-то потрясенная Олеся, ни Женька ничего не знали. Да что там, не знала даже свекровь Анны, Полина Дмитриевна (в народе иногда называемая Бабушкой Ниндзя за исключительное умение бесшумно появляться в самый неожиданный момент), – она стояла на кухне в стареньком халате и с нескрываемым подозрением рассматривала содержимое холодильника.

– Ее нет? Как это? А где она? – спросила Нонна, – она не могла припомнить, чтобы Анна хоть раз пропустила их встречу.

– Понятия не имеем! – ответил хор голосов. Ванюшка зевнул.

– Но она хоть звонила? Может быть, что-то случилось? Куда она уехала? А где дети?

– Дети на месте, у компьютера, – фыркнула Бабушка Ниндзя. – Не понимаю, чего они там все смотрят в этом Интернете? Прямо как заговоренные, все трое сидят и пялятся. Выкину я его.

– Кого? Сашку или Володю? – хихикнул Ванюшка.

– Сдурел? – Полина Дмитриевна вынырнула из холодильника. – Я не о детях же, я об этом вашем говорящем ящике! И, кстати, – свекровь Анны прищурилась и пристально

взглянула на Ванюшку, – не ты ли, мил-человек, слопал вишневый пирог, который я детям собиралась после ужина давать?

– Он-он, Полина Дмитриевна! – кивнула Женька, чтобы хоть как-то отомстить Ваньке. Она забыла, что ела пирог вместе с ним, так что немедленно поплатилась за стукачество, была сдана на растерзание тоже.

– Я вот не понимаю, чего вас дома-то родители не кормят? – заворчала свекровь, доставая с полки пакет муки, чтобы напечь блинков деткам. Конечно, была угроза, что и блинчики пострадают от Ванькиного нашествия, но что ж теперь, не кормить внуков и внучку?

– А я же одна живу, – напомнила Женька. – Снимаю квартиру. Некому меня кормить.

– Это да. Мужика-то у тебя все равно нет, – подметил Ванюшка, доставая с полки венчик – взбивать тесто. – Хочешь, я тебя пригрею? Нет? Ну, наше дело – предложить. Так что взбивать? Я готов!

– Я сама, иди уж, – фыркнула Полина Дмитриевна, но Ванюшка настоял. Он всегда помогал ей по мелочам, что примиряло свекровь с фактом постоянного присутствия в доме невесткиного брата.

– Так где же она? – беспокоилась Олеся.

Бабушка Ниндзя только пожала плечами и еще пуще сосредоточилась на сковородках, делая вид, что не слушает разговоров. Анны не было уже с обеда, но и до обеда она

вела себя как-то странно. Встала позже обычного, на вопросы отвечала как-то пространно и рассеянно, не стала завтракать. Все металась, раскладывала посреди гостиной какие-то вещи, потом ушла в ванную, и Полина Дмитриевна могла поклясться, что она там плакала. Она как раз в тот момент «совершенно случайно» стояла около двери... минут десять стояла и слушала. Определенно, невестка издавала характерные звуки, хотя решительно ничего плохого у них не случилось. Детки были здоровы, Сашка с Вовкой в садике, Машенька в школе, все в порядке. Потом Анна попросила свекровь забрать детей из сада, а сама улетела быстрее, чем ее успели хоть о чем-то спросить.

– Может, в поликлинике? Или в собесе? Может, дали какое-то внеочередное пособие по многодетности? – предположила она, потому что, как ни старалась, никаких других вариантов придумать не могла. Чтобы невестка вот так уехала и ничего никому не сказала – такое случилось впервые за все четыре года, что они жили тут, в этой квартире, без Володи.

– А не могла она поехать к клиенту? Вдруг кто-то срочно позвонил? – предположила Женька.

Нонна хмыкнула.

– Да, ее срочно вызвали сделать кому-то маникюр или стрижку. Буквально выслали за ней вертолет, так что теперь она спасает внешний вид какому-нибудь министру. Ты хоть сама-то подумай!

– Я просто предположила, – обиделась Женя, которой уже давно порядком поднадоел покровительственный и насмешливый тон Нонны. Учитель – это не профессия, это образ жизни.

– Если бы у нее был клиент, она бы позвонила, – уверенно сказала свекровь.

– Да вернется, куда денется, – пожал плечами Ваня. – А вы можете и без нее поиграть в ваши карты.

– Да разве в этом дело? – возмутилась Женька. – Неужели ты нисколько не волнуешься о сестре?

– А может быть, у нее кто-то завелся? – предположила Нонна, разглядывая семейные фотографии, развешанные по стенам. Фотографий было много: и Аннины детские фотки, и снимки с ее детьми, и, конечно, миллион фотографий Владимира.

– У Анны? Ты с ума сошла? – накинулись на нее все. – Это невозможно! Ты же ее знаешь, она бы не стала!

– А что такого? Не всю же жизнь ей одной куковать? Извините, Полина Дмитриевна, – кивнула Нонна. Свекровь, покачивая головой, переключила внимание на шипящие на сковороде блины.

– Но ведь это нормально, разве нет? – продолжила Нонна. – Ей всего двадцать семь лет, она красивее всех нас, вместе взятых, она добрая, с прекрасным характером...

– И с красивыми волосами, – зачем-то добавила Женька, разглядывая с отвращением свое отражение в зеркале. О

волосах Анны ходили легенды. Все интересовались, какими средствами она пользуется, чтобы добиться такого великолепного блеска и сияния своих длинных, до пояса, густых соломенного оттенка волос. Все без исключения приходили от них в восторг и тут же влюблялись в Анну – сотрудники ДПС, мужчины нетрадиционной ориентации и даже кошки! Анна могла бы выиграть мировую войну, если б вышла на поле противника с распущенными волосами. В свое время Нонна привела Женю к Анне со словами, что если кто и может вернуть Жене уверенность в себе, то только Анна. Уверенности не прибавилось, но Анну Женя уже не могла променять ни на какого другого мастера-парикмахера.

– У нее трое детей! – буркнула Полина Дмитриевна. – У нее нет времени на глупости! Она должна думать о семье.

– Надеюсь, она делает глупости прямо сейчас, – пробормотала Нонна. Потом она замолчала, и все замолчали. Как-то сразу стало понятно, что все пришли именно к Анне, а друг с другом их связывает совсем немного. Впрочем, все здесь присутствующие так или иначе познакомились с Анной благодаря Нонне (Ванюшка, конечно, не в счет, ему повезло от рождения, мерзавцу), а они были лучшими подругами с самого детства.

Олеся переехала в Москву из Владимира, чтобы поступать в театральный, и поселилась у своей бабушки, занимавшей двухкомнатную квартиру в том же доме, где проживало семейство Нонны, но только в соседнем подъезде. Потом, не

прошло и двух лет, как бабушка умерла, и Олеся осталась в ее хрущевке одна – в наследницах. Повезло. Все ее владимирские родственники завидовали ей. Но Олеся чувствовала себя одинокой и потерянной, совсем одна в большом городе, где к тому же никто особенно не верил в ее талант. Вот тут-то и появилась Нонна. Она первая заговорила с Олесей, после того как заметила, что та рыдает на балкончике. Квартиры, хоть и были в разных подъездах, соседствовали по одной стене и по балконам.

– Что случилось? – спросила она, развешивая выстиранное белье.

– Я не понимаю, что я тут делаю – в этом городе, – пробормотала Олеся, и через пять минут они уже сидели вместе на маленькой кухне Нонны, заставленной банками с консервированными помидорами, и Нонна учила Олесю, как ей следует жить.

– Тебе нужно больше общаться с нормальными людьми. Все актрисы – змеи, – сообщила Нонна так, будто это была секретная информация.

Потом Нонна познакомила Олесю с Анной, которой как раз нужны были любые клиенты, чтобы выплачивать деньги за квартиру, которую она, положив руку на сердце, не могла теперь себе позволить. Если что и сближало Анну и Нонну – так это катастрофическая финансовая недостаточность.

Олеся теперь стриглась и делала маникюр чуть ли не трижды в неделю, даже когда ей это было совершенно не нужно.

Анна стала кем-то вроде ее личного стилиста, Олеся теперь даже майку без одобрения подруги не могла купить. С Нонной же Олеся общалась с опаской – ее приводили в трепет властный голос учительницы и желание всеми командовать. Хотя... чуть позже Нонна оказалась ей очень и очень полезна.

– Ну а у тебя чего стряслось? – спросила Нонна, заметив, наконец, что Олесю бросает из жара в холод и обратно. – Что, не пригасили сниматься в продолжении рекламы про кариес?

– Нет-нет, – подключился Ванюшка. – Она узнала, что пролетела мимо «Оскара», да, Олеська? И в этом году тоже? Так близко – и снова мимо?

– Что вы к ней пристали? – возмутилась Женя. – Может, у нее больше нет желания сниматься в рекламе кариеса! Это был такой абсурд, честно говоря, только после этого я поняла, как тяжела актерская жизнь.

– Да уж, тяжело оно – бремя славы. Да, Олесь? Скажи, часто ли тебя узнают на улицах? Не пытаются тебя почистить щеткой? – острил Ванюшка.

– Отстань! Между прочим, главное не то, что именно играть, а как играть, – насупилась Олеся.

– И ты была великолепна в этой роли. Сара Бернар, разрушающая зубы со всей неотвратимостью гнева Божьего. Критики с нетерпением ждут продолжения!

– Нет, надо все-таки сдать тебя в военкомат! – Женя

всплеснула руками и швырнула в Ваньку скомканной салфеткой.

Ванюшка увернулся с легкостью пантеры – казалось его увлечение альпинизмом.

– Надеюсь, ты в нее не сморкалась? А скажи, Олеся, если тебе предложат сыграть Венерическое Заболевание, ты тоже согласишься? – Ванька явно не собирался останавливаться на достигнутом. Только одно могло его обезвредить – немедленное тотальное уничтожение.

– Максим вернулся, – пробормотала Олеся, и все замолчали.

Все, включая Ванюшку, застыли, как парализованные, и уставились на Олеся. Женька так и продолжала сидеть с открытым ртом и салфеткой в руке. Нонна помрачнела и собралась было что-то сказать, но лишь покачала головой. Наконец она встала, перенесла свой стул и села напротив Олеси на манер плохого полицейского.

– Что ты сказала? – переспросила она тихо, разделяя слова по слогам.

– Максим вернулся. – Олеся тут же пожалела, что не дождалась Анны. Теперь она была беззащитна пред лицом Нонны всемогущей и карающей.

– Это какой Максим? – притворно равнодушным тоном продолжала Нонна. – Тот, который ушел от тебя со словами, что ты душишь его талант?

– Да, – скорее кивнула, чем сказала Олеся.

– Тот самый, который тебе изменял с твоей же двоюродной сестрой из Владимира? В твоей же квартире? Я ничего не путаю? Тот, который называл тебя бездарной идиоткой? Причем не просто так, а при нас? Этот Максим? Тот, который сказал, что если он когда-нибудь захочет детей, то не от тебя?

– Нонна! – воскликнула Женька голосом, полным боли и сочувствия. Не хотела бы она попасть под ее горячую руку. Женька отличалась от всех умением сопереживать чужим бедам, причем в этом своем умении она доходила до абсурда. Могла разрыдаться, вспомнив, как на ее глазах кого-то обрызгали грязью из-под колес. Или целый день переживать из-за истончения озонового слоя. Теперь вот она искренне страдала из-за того, как плохо Максим Померанцев обращался с ее подругой Олесей – такой беззащитной, такой уязвимой и, чего уж там, не слишком удачливой актрисой. Не бездарной, конечно, но... Впрочем, если уж на то пошло, то из всех них, тех, кто собирается тут, у Анны, чтобы посудачить и убить время, только у Олеси была настоящая мечта. Все остальные хотели только каких-нибудь пустяков. Если уж разбираться, только Олеся горела тогда, когда все остальные тихонько тлели.

– И что же? Он вернулся? И ты его пустила? – Нонна сощурилась и замолчала. Олеся молчала тоже и рассматривала стену с Аннинными семейными фотографиями. Чем дольше она молчала, тем яснее становилось, что да, пустила, конеч-

но.

– Как ты могла?

– У меня не было выбора, – пробормотала она.

– Не виноватая я, он сам пришел? – хмыкнул Ванюшка. Даже он косвенно поучаствовал в большой, вселенского масштаба, драме под названием «Померанцев бросает Олесю».

– У него остались ключи. Я совершенно забыла об этом. Если бы я знала, я бы дверь поменяла, не только замок. Вы же помните, я сожгла все его фотографии, я выкинула его книги, что, к слову сказать, я уверена, он мне никогда не простит.

– Не простит? – ахнули Нонна и Женя в один голос. – Да наплевать на то, чего он простит, а чего нет. Поганой метлой его надо гнать! Он тебе уже не нужен, ты уже прекрасно обходишься без него. Кстати, мне просто интересно, а с Лерой он все еще «дружит»?

– Я не знаю! – воскликнула Олеся в панике. Лерой звали бывшую девушку Померанцева, с которой он все еще время от времени встречался и с которой у них нередко случался дружеский секс. Леру Олеся ненавидела даже больше своей двоюродной сестры. Сестра была – на один раз, а Лера была – Лера, от Леры Олеся не смогла избавиться и за два года. Померанцев говорил, что, если бы он был умным человеком, он бы давно послал к черту всех этих Олесей и женился бы на Лере. От одной мысли о Лере Олеся закипала как чайник.

– А ты спроси у Померанцева, спроси! – Нонна рвалась в

бой. – А то вдруг они «дружат» прямо сейчас. Может, он вообще задумал сообразить из вас большую шведскую семью?

– Отстань.

– Я второй раз дежурить у тебя дома не буду, – бросил Ванюшка, которому в свое время пришлось целых три дня просидеть с Олесей в ее квартире. Народ волновался, как бы она чего с собой не сотворила, на что она, по мнению Вани, способна не была. Все три дня она сидела перед индийским сари, пожалуй, единственным подарком Максима за все два года, и смотрела в одну точку.

– Я не понимаю, зачем он вернулся, – пробормотала Олеся.

– Не в этом дело. Важно то, почему ты сейчас впадаешь в ступор. Скажешь ему, чтобы он ушел, и все.

– Я не уверена, что смогу, – замотала она головой. Щеки ее покраснелись, и, откровенно говоря, Олеся вдруг поймала себя на острейшем желании вскочить и побежать обратно, домой, пока ОН еще не ушел.

– Не сможешь – мы Ванюшку попросим. Да, Ванюшка? Сходишь с нею?

– Ну уж нет. Я не пойду. Этот самовлюбленный кретин меня нервирует. Я могу с ним подраться, а мне карма не позволяет драться. И потом, он сильнее. Пусть лучше Нонна идет – у нее рука тяжелая. И голос. Она зайдет, включит свою трубу иерихонскую, скажет: «Так, и что ты тут делаешь, Померанцев? Быстро к директору!»

– Знаете, – встрепелулась Олеся. – Когда я зашла, он посмотрел на меня так, словно ожидал увидеть меня, все еще убитую горем и разбитую. Думал, я все еще жду его возвращения. Он был уверен, что я все еще живу одна. Я ведь могла уже быть с кем-то. Он мог бы прийти туда, а там мой новый парень. А?

– Ему плевать на тебя. Ты понимаешь это? Ему на всех плевать, он уверен, что мир крутится исключительно вокруг его высокообразованной, талантливой задницы.

– Не пойму, в чем выражается его талант? – вмешалась Женька. – Ты говорила, что он пишет книги? Но я ни одной пока в продаже не видела. Статейки, знаете ли, это ерунда. Обзор итальянской архитектуры? Ой, держите меня, я уже зеваю.

– Его талант выражается в тех, с кем он дружит. В том, что он родился на Малой Бронной. Тоже мне, талантище! – фыркнула Нонна. – Так что мы будем делать?

– Я не знаю, – моментально поникла Олеся. – Самое обидное, что мне должно быть наплевать на него, да? Но единственное, о чем я думаю, это о том, что в квартире у меня бардак и что он из-за этого теперь обо мне подумает. Мне стыдно, что у меня не убрано! Я просто жалкая личность, да?

– А вот это мне нравится! – разозлилась Нонна. – Женька, ты это видишь? Ты помнишь, как она клялась, что она больше о нем не вспоминает? Что встречаться с таким человеком – себя не уважать. И что она даже не посмотрит в его

сторону, если встретит на улице?

– Я не встретила его на улице, он сидел в моем доме и смотрел мне прямо в глаза. Мне некуда было отворачиваться. Я оказалась не готова, но я сбежала. Это же хороший знак?

– А чего он-то хотел? – спросила вдруг Женька.

Олеся на секунду замерла, а потом вдруг пожала плечами.

– А я не знаю.

– Он предложил сойтись снова?

– Я поняла так, но я могла и ошибиться. Максима никогда нельзя понять до конца.

– То есть, возможно, он просто предложил тебе некий утешительный сеанс секса? – хмыкнул Ванька. – Одноразовая акция, как в Групоне. Может, ему негде было переночевать? Он же свои апартаменты так и сдает, наверное, – предположил Ванюшка. – А с тобой он и на квартплате экономит, и на проститутках.

– Фу! – вспыхнула Женька. – Это уже грубо.

– Естественно, он сдает квартиру, не работать же ему, как простому смертному, в офисе менеджером. С его-то талантом! – Ванюшка злобно улыбнулся и, встав с дивана, снова направился к холодильнику, игнорируя убийственные взгляды Полины Дмитриевны. – С Олесей у него любовь с интересом, у него там лежище.

– Ну, а что я должна была делать? – взмолилась Олеся. – Вызывать полицию? Кричать «караул»? Он уже был внутри

квартиры, как же вы не понимаете!

– Ты должна была сказать ему твердо «пошел на хер» и выставить вон! – лютовала Нонна. – Ты что, всерьез хочешь, чтобы все началось снова? Оставим в стороне весь тот кошмар, что мы все пережили, когда он тебя бросил. Давай лучше вспомним, как это было, когда он с тобой жил.

– Я помню, – закивала Олеся, чувствуя, как слезы накапливаются в уголках глаз и норовят прорваться наружу.

– И то помнишь, как он ушел прямо посреди твоего спектакля в театральной студии, а когда ты спросила, почему он так сделал, то он сказал, цитирую, что он давился и его тошнило от вашей игры, причем в одно и то же время, так что ему срочно понадобился туалет? А когда мы его поймали с твоей сестрой, он тебе же сказал, что это все из-за того, что ты стала невыносимо скучна и с тобой рядом больше пяти минут нельзя находиться?

– Не надо! – взмолилась Олеся. Но Нонна не собиралась останавливаться:

– А когда он назвал тебя самой безвкусно одетой девушкой во всем Строгино? А сколько раз он называл тебя толстой? Тебя! – Нонна встала и вытерла пот с лица, так она была возмущена. – А когда он выставил тебя из твоей собственной квартиры в два часа ночи, потому что ты, цитирую, мешала ему сосредоточиться на статье?!

– Что? – вытаращился Ванюшка, которому эта история была неизвестна.

– Да, я помню, – кивнула Олеся, а глаза ее вдруг неожиданно для всех высохли и взгляд стал злым. Да, она помнила, как она звонила ему потом, а он не брал трубку до самого утра. Когда же они с Нонной пришли, чтобы восстановить поправленные Олесины права, Максим вышел в коридор полностью одетым, сказал, что из-за Олеси у него случилось «нервное расстройство», и ушел... на пять дней. Она прорыдала все пять дней на плече Анны, но потом Максим вернулся, и все началось снова.

– Мы тоже все помним. – Нонна немного успокоилась и села на свое место. – Ты должна его бросить. Немедленно. Выставить, если надо, с полицией.

– О, я так и вижу это: во всех новостях – известный журналист, культуролог Померанцев был выставлен с полицией из квартиры бывшей любовницы, никому не известной начинающей актрисы.

– А что? Между прочим, отличный черный пиар. Только надо проследить, чтобы приписали фамилию Олеси. Никому не известная актриса Олеся Рожкова.

– У вас есть что-нибудь? – спросила Олеся почему-то у Ванюшки. Тот кивнул, вызвав тем самым недовольство Полины Дмитриевны. Она фыркнула – все-то он знает о том, где и что лежит в их доме, – и ушла, захватив тарелку с блинами. Оставлять их на кухне она не решилась. Тем более теперь, когда дорогие гости собрались выпивать, наплевав на то, что хозяйки дома вообще не наблюдались. Куда катится

мир!

– Будешь красное или белое? – поинтересовался гостеприимный Ванюшка. – Или сразу водки?

– Будешь много пить – опять будут проблемы в театре, – напутствовала Нонна, категорически изымая из списка вариантов водку. – Эта вода забвения тебе ни к чему.

– Я хочу о нем забыть, но не могу. Это сильнее меня, понимаете? – оправдывалась Олеся. Она залпом выпила полный бокал красного вина, словно это была простая вода.

– Ты пролежала на диване две недели, мы кормили тебя с ложечки. Женя, ты помнишь?

– Не дай бог такого, – кивнула Женя, суетливо разливая вино по бокалам.

– Он писал в своем ЖЖ, что такая женщина, как ты, тянет его вниз. Он сказал, что если бы он не уехал, он бы повесился, помнишь? Я боюсь, что всем нам не потянуть еще хоть миллиметр Максима Померанцева. Ты слышишь? Это дорога в ад!

– Прекратите! Я же пришла, чтобы вы мне помогли! – воскликнула Олеся. – Наверное, мне не стоило сюда приходить.

– Мы желаем тебе добра, – заявила Нонна. – Мы составим план и не допустим повторения этого кошмара.

– А никого не интересует, что я думаю об этом? – вспыхнула Олеся.

– Будет гораздо лучше, если мы тут подумаем за тебя, ты себя дискредитировала еще в прошлый раз, когда чуть не

улетела к нему в Италию только потому, что он позвонил тебе спьяну и сказал, что почему-то вспоминал о тебе. Он просто держит тебя на поводке, играет как кот с мышью. Пришло время взять свою судьбу в руки, – категорически заявила Нонна, подразумевая, что, конечно же, судьбу Олеси теперь возьмет в свои руки именно она, Нонна. Эта работа всегда была ей по плечу, а от Олеси теперь будет требоваться только одно – слушаться.

Олеся покачала головой и вцепилась в бокал с вином – третий по счету.

Посреди этого весьма талантливо разыгранного монолога Нонна вдруг запнулась – она увидела Анну. Та стояла в глубине коридора, ведущего к входной двери, и молча смотрела на всех. Нонна не знала, как долго она там простояла. Возможно, что долго. Анна молчала и смотрела на них странным, рассеянным взглядом. Нонна улыбнулась и помахала рукой. Все обернулись, увидели Анну и также принялись вскакивать с мест, оживляться и оглядываться. Теперь все будет хорошо. Анна придет и поправит все, она успокоит тех, кто беспокоится, примирит тех, кто не может найти общий язык. Она найдет решение и найдет слова, чтобы каждый понял, почему нужно поступить именно так. Она не осудит и не потребует от них ничего – никаких действий, никаких обещаний. Анна залечит раны и исцелит мертвых одним безмятежным взглядом своих прекрасных светло-се-

рых глаз.

– Вот и ты! Ань, представляешь, Померанцев вернулся. И эта наша тютя его не выгнала, а сидит тут и рыдает, говорит, что не может без него, – сказала Нонна.

– Я не знаю, что делать! – поправила Нонну Олеся. – Я не говорила, что не могу жить без него! – добавила она, хотя про себя она и отмечала то, что ей ужасно хочется немедленно подняться и броситься обратно, к себе домой, посмотреть, там ли он еще. Олеся говорила себе, что надеется на его уход, но мысль о пустой квартире заставляла ее сердце сжиматься от разочарования.

– Ну, а ты что думаешь, – как ей поступить? – спросила Женья у Анны.

Та сделала несколько шагов, вошла наконец в просторную гостиную и остановилась.

– Должна она его немедленно прогнать? – задала Женья второй вопрос.

– Я не знаю. Откуда я-то могу знать? – Анна пожала плечами и принялась развязывать платок, завязанный на ее шее мудреным узлом.

– Нет, но что ты об этом всем думаешь? – хором спросили все.

Анна беспомощно посмотрела на Олесю, и в глазах ее почему-то промелькнуло отчаяние.

– Я не знаю! Слышите вы или нет? У меня закончились уже ободряющие речи, честно. Мне вообще не до вас!

– Анна! – ахнули все в полнейшем неверии. – Ты что?!

– Ничего! – воскликнула она, бросила на стол сумку и убежала из комнаты.

Через секунду дверь в детскую захлопнулась. Вся компания осталась сидеть в таком глубоком шоке и потрясении, что в гостиной воцарилось гробовое молчание. Нонна растерянно пялилась на опустевший коридор. Ванюшка закрыл глаза так, словно бы собрался медитировать. Олеся, никем не сдерживаемая, почувствовала отчаянное желание пойти и броситься на шею Максиму. Женя потянула руку к бутылке на столе, взгляд ее соскользнул на сумку Анны. Из внешнего кармана почти наполовину выпало на стол потрепанное удостоверение – пропуск на Ваганьковское кладбище, в колумбарий. Женька кивнула и прикрыла рот рукой.

– Анна была у Володи, – пробормотала она и кивнула на сумку.

– Ах, вот оно что! – воскликнули все с пониманием и моментально расслабились.

– А ты говоришь – у нее кто-то завелся. Только не у Анны, – добавила Женя.

– Господи, вот ведь есть на свете настоящая любовь! – воскликнула Олеся, вытирая слезы. Если Анна была у Володи – это все объясняет.

Настоящая любовь не умирает

Анна сидела в стареньком кресле и смотрела, как близнецы уплетают бабушкины блины. Есть в комнате вообще-то было строго запрещено, но, учитывая обстоятельства и тот беспредел, который творился на кухне, свекровь отошла от своего же собственного правила. Результат был налицо – щеки Вовки перемазаны шоколадно-ореховой пастой, крошки на постели, маленький пластмассовый мусоровоз Саши под завязку нагружен кусками блинов. На полу блестит лужа пролитого чая. Ни следа бабули, что показательно. Свекровь дает понять, что раз друзья на кухне Анны, то и лужа тоже ее.

– Эй, а убирать-то кто будет? – спросила Анна у мальчишек. Хотела строго, но не получилось. От одного взгляда в их смышленные карие, совсем как у Володи, глаза она прощала им все.

– Мы! – радостно пообещал Саша.

Вот ведь странно, вроде бы абсурдно идентичные люди, а такие разные. Вовка любит поест, Сашка – больше балуется. Вовка спит, как сурок, а Сашку не уложить. Вовка уже всюю читает сказки с картинками, а Сашку даже слоги заставить тянуть невозможно, стоит ему увидеть букварь, как он тут же исчезает. Ищи его свищи! Впрочем, компьютер любят оба.

– Значит, вы? И когда вы планируете этим заниматься? – Анна нахмурила брови и погрозила пальцем.

Сашка захихикал. Анна склонилась к нему и принялась щекотать животик. Сын смеялся так заразительно, что и она принялась смеяться. Сашка выкручивался и визжал.

– А меня? – раздалось обиженное из-за спины. Вовка тоже желал быть потискан и помучен любимой мамой. Анна принялась щекотать близнецов. Если бы сейчас к ним ворвалась Маша, то ситуация стала бы неразрешимой – на дочь ее рук не хватило бы. Разве что ногой пришлось бы щекотать. Анна вспомнила, как ей не хватало рук буквально ни на что, это был тот особый период, когда близнецы только пошли, им было по полтора года, а Машке не было и пяти. Дети вываливали на пол и себе на головы содержимое шкафов, еду, мыльную пену, опрокидывали тазы с замоченным бельем – стиральная машина сломалась, а на новую денег, естественно, не было. Ничего у них со свекровью не было с тех пор, как умер Владимир. Анна тогда часто ложилась ночью спать с мечтой о том, чтобы не проснуться. Во сне к ней приходил он.

Анна родилась под счастливой звездой, так о ней говорили родители. Анна не понимала, что имеют в виду отец и мать, но думала, что речь идет о какой-то конкретной звезде, типа Вифлеемской. Удачный гороскоп, видимо. Но люди имели в виду другое.

– Какая же красавица! – восхищались они, не отрывая глаз от Анны. Хотя сама она считала, что у нее обычная славянская внешность. Она уродилась как раз такой, о каких гово-

рил Некрасов, – спокойная плавность движений, безмятежное лицо, чистая кожа, глубокие серые глаза, густые соломенные волосы – бесценный дар в каждом жесте, в королевской осанке, в идеально точеной женственной фигуре, в высоком росте. Она была красива ребенком, она стала еще красивее в юности.

– Какая же она у вас чудесная девочка – и добрая! – также добавляли люди, и это тоже было правдой. Наверное, слово «покладистая» подошло бы ей больше. Она была добра, потому что была счастлива, а счастлива она была от природы – радовалась тому, что есть. Возможно, она была такой оттого, что Господь благословил ее отсутствием каких бы то ни было амбиций. Она ничего особенно не хотела, кроме того, что у нее и так было. Потом она встретила Владимира, и единственное, чего она хотела теперь, – это не расставаться с ним. Желание сбылось легко, как и все в ее жизни. Ей словно бы отвечивали этой легкости по самую макушку, чтобы захлебнулась, напилась вволю, потому что знали, что потом все это будет отнято.

Владимир был старше Анны на пятнадцать лет. Он был капитаном теплохода, на котором шальной и счастливый выпускной класс Анны проводил последний вечер. Раскрасневшаяся от жары и шампанского Нонна лихо отплясывала на верхней палубе с мальчишками, неуклюжими, но мечтающими о поцелуях. Они были все такие смешные, такие наивные.

Анна отлично помнила тот день. Она стояла, облокотившись на перила, в белоснежном легком платье из ситца, на голове веночек, который она сплела из цветов, подаренных влюбленным в нее одноклассником, – устала таскать букет в руках, но и выбросить постеснялась. Мальчишки из их класса все поочередно (а некоторые и попарно) признались Анне в любви. Каждому из них она, смеясь, пообещала дать ответ и пожелала удачи с экзаменами в институты – в армию не хотел никто.

– Я бы убила, чтобы стать тобой, – сказала вдруг Нонна, остановившись и завороченно глядя на Анну, такую неправдоподобно красивую в лучах закатного солнца, на фоне искрящейся Москвы-реки.

– С чего бы это?

– Ты что, не заметила? – усмехнулась Нонна.

– Чего не заметила? – пожала плечами Анна.

– Даже капитан на тебя пялится.

– Что? – Анна подняла глаза и увидела ЕГО. Владимир, такой взрослый, очень даже красивый в белоснежной форменной рубашке с погонами, но прежде всего все же взрослый, очень взрослый, действительно смотрел на нее, не отрываясь, и в глазах его читалась почти что боль.

– Видишь? – Нонна хихикнула и состроила глупую рожицу.

Анна отвела взгляд, но буквально через секунду посмотрела снова. Было что-то магическое, притягательное в этом

полном чувственности и безнадежности взгляде из-за стекла рулевой рубки.

– Ты думаешь, это капитан? – спросила Анна, рассеянно улыбаясь и скользя взглядом по его лицу.

– Ой, опять это твоё выражение безмятежности, – фыркнула Нонна и принялась передразнивать Анну. – «Ах, я так устала от внимания, это такая мука – быть красоткой-блондинкой!»

– Ужасная мука, – приснула Анна, прекрасно зная, что от её белозубой улыбки бедному капитану станет ещё хуже.

– Что ж ты не перекрасишься в зелёный цвет? Сделала бы ирокез – и вся проблема бы решилась, – язвила Нонна.

Какими же они были детьми, кто бы мог подумать, что Владимир преступит все должностные инструкции, чем вызовет яростное сопротивление и возмущение со стороны учителей, сопровождавших класс.

– Конечно, вам нельзя познакомиться с нашей выпускницей! – визжала их классная руководительница, услышав, о чем Владимир, красный как рак, спрашивает Анну.

– Меня зовут Анна, – тихо произнесла она.

– Ты с ума сошла? Ты представляешь, сколько ему лет? Да это, наверное, незаконно! – полыхала гневом учительница. Анна промолчала, склонив немного голову набок, и посмотрела Владимиру пристально в глаза.

– Простите, – пробормотал он и немедленно скрылся у себя в рубке.

Анна подумала, что этим все и закончится. Хотя и этого уже было много – все одноклассники шушукались и рассказывали друг другу о том, что сам капитан теплохода и их Анька... Но все только начиналось. На следующий день Анна наткнулась на Владимира прямо возле своего дома, он стоял около лесенки на детской площадке, одетый в белоснежную форму, несмотря на жару. И с букетом красных роз.

– Я не знаю, как вам это объяснить. Я, кажется, больше не смогу без вас жить, – произнес он без тени улыбки, совершенно серьезно. – Вы, наверное, к этому привыкли, но я – нет.

– Как вы меня нашли? – Анна смотрела на него с изумлением, словно на привидение.

– Я знал номер вашей школы, он был у нас в бортовых документах, – сказал Владимир. – Я приехал к вашей школе, и... – Он смутился.

– И что? – поторопила его она.

– И мне было достаточно спросить о том, где я могу найти самую красивую девушку на свете, с соломенными волосами и по имени Анна, – продолжил Владимир и, наконец, впервые за все время улыбнулся – улыбка у него была удивительная, обезоруживающая, располагающая к себе. Солнце на пасмурном, суровом северном небе. Анна отлично ее помнила.

Только память у нее и осталась. Шесть лет было отведено им на незабываемую любовь. Когда Владимира не стало, па-

мать была для нее сначала утешением, а потом чем-то вроде спасательного жилета. Ей было семнадцать, когда они познакомились, восемнадцать, когда они поженились – и все вокруг уже его любили и ее любили, и желали им долгих лет счастья. Меньше чем через год родилась Маша, потом как снег на голову – вторая беременность, двойня. Володя был таким счастливым, когда узнал об этом!

– Мы все потянем, Анюта, только не волнуйся. Я все устрою, я продам квартиру мамы, добавлю денег, займу – мы будем жить в доме окнами на залив, я уже нашел то, что нам надо! – Володя был таким деятельным, и он всегда выполнял обещания – как и положено настоящему мужчине. Да уж, настоящий мужчина – это по-настоящему здорово, именно то, что способно сделать счастливой любую женщину. Особенно если ей всего ничего лет. Анне оставалось только улыбаться и кивать. Она помнила лицо Володи, когда ему на руки положили Сашку и Володьку, помнила, каким неутомимым он был, когда взялся за ремонт. Он не успел его закончить...

Иногда про тех, кто умер, говорят – он словно чувствовал, что уйдет. Нет, Володя ничего такого не чувствовал – такого не почувствуешь. От такого не защитишься. Аневризма мозга, мментальная смерть – ему было всего тридцать восемь лет, но никто ничего не успел сделать, даже «Скорую» не успели вызвать – теплоход был на воде. Все произошло мгновенно, и он совсем не страдал. Зато страдала Анна – потом. Она никак не могла взять в толк, как это так может

быть – вот он был, и его нет – такого красивого, загорелого, заботливого, с большими сильными руками, с широкой грудью, с глазами, замороженно следящими за каждым ее движением, – даже за шесть лет он не успел насытиться ее нежной, редкой красотой.

Анна плохо помнила первый год после того, как Володи не стало. Если бы не Нонна, все могло бы быть намного хуже – Нонна приходила к ней ежедневно, следила за тем, чтобы она поднималась с кровати, чтобы ела, расчесывала волосы. Анна слушалась ее и механически исполняла команды. Ощущение нереальности бытия не отпускало, отчасти, возможно, это было обусловлено таблетками, которыми ее пичкали. Близнецам не было и года, когда все случилось. Маша была старше, в три года она уже понимала, что папы нет, но не могла усвоить, почему его больше не будет НИКОГДА. Слишком взрослое слово – никогда. Не осталось ни одной фотографии, где Володя бы держал близнецов. Зато у Анны на руках осталась мать Володи – Бабушка Ниндзя, свекровь, горящая по сыну. И огромная квартира, которую Анна теперь не могла себе позволить и за которую осталась должна приличные деньги Володиным коллегам по работе. Ах да, и трое детей, которых ей предстояло вырастить без мужа. Счастливая звезда? Хм, нет, не похоже.

– Что вы умеете делать? – спрашивали работодатели, но проблема была в том, что делать ничего особенного Анна не

умела и не могла. Со школьной скамьи она в одночасье перелетела к алтарю, и теперь, когда депрессия держала ее за горло, не давая поднять руки, не представляла, чем может заработать деньги. Но даже в этот период ее красота не давала ее, она оставалась при ней, непонятно зачем. Ей не нужны были романы, ей нужны были деньги. Она не могла представить рядом с собой никого, кроме человека, которого теперь просто не было. Не существовало на земле, он исчез и приходил к Анне только во снах. Темный вязкий мрак небытия, ее персональный рай за стеной отключенного сознания – только там она снова чувствовала его руки на своей груди, она стонала от отчаяния и одиночества, она хотела к нему.

Друзья помогали и дальше, конечно, – Нонна, Ванюшка. Тогда-то и возникла традиция проводить все пятницы у Анны в доме. Первым же летом они вывезли ее на море, положили на песок и оставили в покое, забрали детей и дали выплакаться. Потом Нонна сказала, что за все годы, что она знакома с Анной, она знает только одно – у нее удивительные руки, способные превратить любую каракатицу в подобие Хайди Клум. Достаточно лишь взять ножницы в руки. Так что...

– Иди-ка ты поучись на парикмахера, – сказала она, вручая Анне уже оплаченный курс.

Что-что, а решать за других Нонна умела, будьте-нате. Ремесло далось Анне легко, не высшая математика, слава богу. Ей было интересно. Визаж, маникюр, укладки, плетение

кос. Ее это увлекало, помогало забыться. Она стала еще красивее, появились клиенты. Подруги. Олеська и вечно неуверенная в себе Женька. Угол в гостиной переоборудовали под парикмахерскую, поставили кресло, и с тех пор в доме Анны всегда кого-то стригли, красили или делали кому-то макияж. Жизнь потекла вперед, многотонный пресс начал понемногу ослабевать.

– Давайте-ка уберемся вместе, – предложила Анна сыновьям, красным от хохота и щекотки. – А то чай нам весь пол испортит. И бабушка наругает, да?

– Давай! – согласился Сашка и улыбнулся такой невыносимо знакомой улыбкой. С одной стороны, Анна была рада, что сыновья с каждым годом становились все больше похожи на умершего отца. Дети – это же было все, что у нее осталось. С другой стороны... Ей было двадцать семь лет. Всего двадцать семь, и, хотя порой она сама чувствовала себя невыносимо старой, все же она была еще молода и, да, она была настолько красива, что порой просто пройти по улицам было проблемой. Часто Анне говорили, что такой любви, как у них с Владимиром, не случается в жизни дважды, а у большинства людей и однажды. Раньше ей это придавало сил, сейчас эта фраза начала ее пугать. Это означало, что все, имеющее смысл, случилось и прошло для нее навсегда, миновало безвозвратно. А что же впереди? Такие мысли появились совсем недавно. Об этих мыслях она не говорила

никому.

– Настоящая любовь не умирает, – говорила Анна, когда ее спрашивали, нет ли у нее желания устроить свою личную жизнь. Но она вовсе не была в этом так уж сильно убеждена.

– Ты все еще злишься? – Нонна просунула голову в дверь комнаты мальчишек, а затем, чуть ниже, образовалась голова Ванюшки и Женьки. Олеся стояла рядом и подпрыгивала, пытаясь влезть между Нонной и Ванюшкой.

– Ну, не толкайся. – Ванька пнул Олесю, и та шикнула на него. Все четверо уставились на Анну, ища объяснений такого ее странного поведения.

– Я не злюсь. Я просто... – Анне стало вдруг стыдно, что она сбросила все на подруг и брата. В конце концов, они-то тут при чем?

– Может, расскажешь, что случилось? Ты ведь к Володе ездила, да? Ты только не держи все в себе, – заголосил хор имени Пятницы.

Анна вздохнула.

– Откуда вы узнали? – удивилась она. Кажется, они все стали ближе друг другу, чем этого бы хотелось. О том, куда, а главное, почему она сегодня ездила, она никому не говорила. Ни-ни!

– У тебя пропуск из сумки выпал, – сдал их Ванюшка.

Анна кивнула.

– Ты имей в виду, мы всегда рядом, ты можешь на нас по-

ложиться. Ты не одна! Мы же все понимаем. – Нонна широко раскрыла руки, приглашая Анну в свои дружеские объятия.

Анна улыбнулась, похлопала подругу по плечу.

– Ты будешь чай?

– Да, пожалуй, – кивнула Анна. – У нас был вишневый пирог.

– Э-э-э, – протянул Ванюшка. – Об этом пироге. Тут у нас случилось ЧП, и его пришлось отдать Олеся, чтобы хоть как-то залечить ее душевные раны.

– Да что ты! – возмутилась Нонна, как раз пролетевшая мимо пирога. – Вы же с Женькой его сожрали еще до того, как Олеся пришла, разве нет?

– СожраЛИ? – моментально принялась оправдываться Женька. – Мне и одного полноценного кусочка не досталось. Я вообще не понимаю, как твой братец может так лопать и не толстеть, сохранять такую форму.

– Я красив от природы. Это у нас семейное, нам не нужно сапог и сумок, чтобы сиять, да, Ань? – гордо пояснил Ванька.

– Ты прожорлив от природы, – огрызнулась Женька. – Так что случилось, Ань?

– Даже не знаю, как объяснить, – попыталась отвертеться Анна. Она совсем не была уверена в том, что ее друзья смогут понять то, что с ней происходило. Она сама не понимала.

– Он тебе опять приснился? – с сочувствием кивнула Нонна.

Когда Володя только умер – так неожиданно, такой моло-

дой и любимый, – он постоянно снился Анне. Да что там, она и просыпаться-то не хотела, только и рыдала на диване. Ужас что было! Не дай бог такое.

– Нет, не приснился, – покачала головой Анна, затрудняясь объяснить то, что чувствовала. Вот уже почти четыре года она послушно следовала своей судьбе. От любимого мужа у нее остались лишь его мать, его дети, его квартира, его память, его идеальный образ, уже совсем размытый в ее памяти. Его сослуживцы приезжали раз в год на поминки и, сидя за столом у них дома, вспоминали, каким безупречным он был, как жить не мог без Анны и как все они его помнят. Двое из них виделись с Анной чаще – ежемесячно забирали у нее платежи в счет долга. Нет, Владимир уже больше не снился Анне.

– А ко мне Максим решил вернуться, – робко вставила Олеся, но все на нее тут же зашикали. Как ты можешь думать о себе, когда у Анны ТАКОЕ!

– Конечно, мужчин, как Володя, в мире немного, но Аня, подумай, ты не должна хоронить себя дома. Мы знаем, как ты любишь его, но я уверена, что Володя был бы рад, если бы ты нашла себе кого-нибудь. Ты не должна так терзать себя! – выступила Нонна.

Анна посмотрела на нее долгим напряженным взглядом: она не знала, выдержит ли Нонна новость, которую она собиралась сообщить.

– Ну, хорошо. Я скажу! – решила Анна – Только пообе-

щайте, что никто, слышите, никто меня не станет критиковать или осуждать.

– Осуждать? Тебя? – зашумели все наперебой, добавляя, что если уж кто и имеет полный карт-бланш на все, что угодно, то только Анна. Ванюшка, правда, хитро улыбнулся и сказал, что не собирается выдавать никому сегодня индульгенции – только если с помощью подкупа. Вишневый пирог должен быть забыт.

– Так что случилось? – спросили все после того, как все заверения были произнесены.

Анна покачала головой.

– Я ездила к Владимиру на могилу, да, вы правы. Я хотела только... поговорить, что ли? А в итоге кончилось тем, что я накричала на него! – пробормотала Анна и густо покраснела.

– Как это? – вытаращились все. – На кого ты накричала?

– На Володю! Я! – Анна сникла. – Вернее, не на него, а на этот кусок мрамора с его портретом. Ведь я же, получается, с ним живу, да? Верно? Раз так, то я пошла и поругалась с этим мрамором – больше-то не с кем.

– Ну что ты такое говоришь! – возмутилась Нонна. Все остальные изумленно молчали.

– Да, это ужасно. Но я даже не могу вспомнить его лица.

– Посмотри на стену! – вставил Ванюшка.

Анна нахмурилась.

– Да, я помню его портрет, но я не помню его самого.

Она влюбилась в него десять лет назад, но все, что пом-

нила теперь, – это то, что в одиночку должна была тянуть этот воз. Сколько раз Нонна говорила, что он там, на небе, не возражал бы, чтобы она устроила свою жизнь. Но сама Анна была в этом не уверена. Она вообще была не уверена, что ему было до нее дело. Что он там вообще *существует*.

– Ты не права! – воскликнула Женька. – Он же так тебя любил.

– Я ничего не могу поделать, но мне постоянно кажется, что он меня бросил, свалил на меня все и ушел. Кому я нужна с тремя детьми? Позавчера один клиент предложил мне пойти на свидание.

– Что? – ахнула Нонна.

– А то, что я встала, сосредоточилась и сказала ему, что в целом я не против (хотя и не уверена, что за), но что у меня трое детей, свекровь на руках и невыплаченные долги. Угадаете, что было дальше?

– Он немедленно потянулся за кошельком? – ехидно предположил Ванюшка.

– Его как ветром сдуло. А даже если бы и не сдуло? – голос Анны вдруг окреп. – Как вы себе это представляете? Даже если я встречу, как ты, Нонка, говоришь, «человека» – это же какой кошмар! Знакомить его с детьми? А что делать с Полиной Дмитриевной? Да у меня даже времени нет на то, чтобы ходить на свидания – мне нужно выплачивать Володины долги! И почему он не взял, как все нормальные люди, ипотеку? Тогда бы там были какие-то страховки!

– А почему, кстати? – заинтересовалась Женя, которая, так или иначе, задумывалась об ипотеке. Не век же ей снималь чужие углы.

– Потому что там проценты! – возмущенно поделилась Анна. – А теперь я даже не могу перестать платить, потому что деньги дали его друзья – а я не могу предать его память! А какая, к черту, память? Я просто парикмахерша, я зарабатываю три копейки. Я устала, все это – слишком. При этом все то, что я сейчас тут говорю, моментально делает меня Очень Плохим Человеком.

– Нет, не делает! – вмешалась Женя. – Ты просто живая. Ты устала, вот и все.

– А ты действительно накричала на могилу? – спросил Ванюшка с недоверием.

– Да! – Анна окинула друзей злым взглядом.

– И как это было?

– Ужасно, – пробормотала Анна.

Когда она пришла в колумбарий, там никого уже не было. До этого она два часа ездила в метро по кольцевой линии, просто так, потому что не хотела идти домой. Она была близка к тому, чтобы сесть в поезд какого-нибудь дальнего следования и уехать.

– Все настолько плохо?

– Я не знаю. – Анна замолчала, потому что не понимала, что с ней происходит. Она так и просидела в вагоне метро, ни о чем не думая, больше часа. Люди входили в вагон, по-

том выходили, и им было совершенно наплевать на нее, и это было хорошо. Никуда не бежать, ни о чем не думать, смотреть, как люди проплывают мимо нее. Но потом она все-таки вышла на «Баррикадной» – на третьем круге – и пошла к Володе пешком. Она хотела просто там посидеть, а потом вдруг... она смотрела на его улыбающееся лицо в этой ужасной овальной раме, смотрела, смотрела, и вдруг на нее накатило. И она сказала, что он не имел права оставлять ее! Она встала и принялась говорить эти ужасные вещи: что он не должен был сваливать все на нее, что нужно было подумать, как она будет жить, если с ним что-то случится. А кончила тем, что сказала, что лучше бы она тогда села на другой теплотход.

– Может, это просто нервы, – предположила Нонна.

Анна нервно рассмеялась:

– Может быть. Я кричала, а потом пришел сторож, который сказал, что они закрываются. И он смотрел на меня так, словно я самая ужасная женщина на земле. Но он же ничего обо мне не знает!

– Конечно, не знает, – согласилась Нонна.

– Но ты же понимаешь, что такое может произойти с любым? – вдруг спросила Олеся, и голос ее был совсем не таким нежным и понимающим, как у Нонны.

Анна повернулась к ней.

– Что ты имеешь в виду?

– Он не мог знать, что умрет. Ты не имеешь права его в

ЭТОМ ВИНИТЬ.

– Ну, спасибо за поддержку! – всплеснула руками Нонна.

Voodoo people

Олесю несло. Сказалось ли напряжение дня, полнолуние или шутки Ванюшки, а может, лицо Максима, постоянно возникающее перед ее мысленным взором, – но эмоции взяли верх, и, как обычно, иррациональное победило разум. Так же, как Анна обвиняла во всех своих бедах мужа, умершего от нелепой случайности четыре года назад, Олеся обвиняла Анну. В чем? А в том, что она просто попала под руку. Разве нельзя было перенести скандал с покойником на пару дней? Володя уже никуда не денется, а она, Олеся, в реальном тупике. Сегодня именно Олеся должна была сидеть посреди гостиной и рыдать от неопределенности, от сложности выбора и трагичности ее любви. Да, это уж слишком, но что вы хотите – она же актриса, а актрисы все очень эмоциональные.

В любом случае это должен был быть ее вечер. Олеся надеялась на Анну, нуждалась в ней, и у нее не было сил забыть о своих проблемах. И почему это Анна решила именно сегодня вспомнить, что жизнь не стоит на месте, что годы уходят, а у нее на руках трое детей? И потом, разве так уж тяжела у Анны жизнь? Да с такой внешностью она может в минуту устроить свою судьбу!

– Устроить судьбу? – зло пробормотала Анна. – А кто сказал, что я хочу «устроить судьбу»? Я ничего не хочу, в том-то и дело! И не верю, уж простите, в то, что найдется муж-

чина, которому окажется по силам вытянуть моего бегемота из болота. Слишком большой бегемот.

– А если олигарх? – вставила Нонна.

– Я просто хочу, чтобы меня оставили в покое и дали разобратся со своей жизнью. Я хочу перестать прозябать в нищете. Хочу продать эту квартиру, к примеру.

– Что? – ахнули все.

– Да, потому что это дорого! Но я не могу – Баба Ниндзя никогда не продаст ее, это же Память!

– У тебя прекрасный дом, чудесные дети, у тебя вся жизнь впереди! – насупилась Олеся. – Ты должна радоваться.

– А у тебя что, позади? Тебе двадцать два года! – изумленно парировала Анна. – Ты свободна, красива, снимаешься в рекламе и играешь в театре. Где тут драма?

– Она снималась в рекламе КАРИЕСА! – подлил масла в огонь Ванюшка, который от удовольствия аж раскраснелся и подсел ближе, посмотреть бой века – сестра против подруги. Принимаем ставки, господа!

– Ты просто не знаешь, что такое любить человека, который о тебя ноги вытирает, – взмахнула рукой Олеся.

– А ты не знаешь, что такое – любить человека, который умер! – не уступала Анна.

– Четыре года назад! – сделала ход конем Олеся. – Ты просто не хочешь признать, что у тебя все хорошо.

– Девочки, ну вы что! – попыталась влезть Нонна. Она не учла, насколько обоим женщинам сегодня нужна была эмо-

циональная разрядка. Женщины есть женщины. Обе они, и Олеся, и Анна, продолжали кричать, игнорируя любые разумные вмешательства извне. Тогда Нонна вдохнула поглубже и включила режим «учительницы».

– ТИХО! – рявкнула она, и обе подруги замерли, вытаращившись на нее. – Что это вы себе позволяете!?

– Мы? А что мы – мы ничего! – попытались защититься Анна с Олесей, но громкое хоровое хмыканье Ванюшки и Жени пригвоздило их к стене. Им уже было не уйти.

– Ну-ка, немедленно вспомните, что вы взрослые и приличные люди. Анна, поставь нам чайник. Олеся, сядь немедленно за стол и извинись перед Анной.

– Почему я? – пробормотала Олеся себе под нос, но вслух выдавила извинения.

– Вот и молодец. А ты, Анна! Как же ты можешь так с Олесей! Тоже извинись, – скомандовала Нонна. – Пожмите друг другу руки.

Анна и Олеся с неохотой пожали друг другу руки, хотя и было видно, что запал еще не прошел и не все выгорело. Нонна продолжала строго буравить их своим тяжелым учительским взглядом, а Анна в полной тишине выставляла чашки и разливала чай. Наконец все выдохнули. Женя, улыбаясь, заявила, что уж они-то хотя бы не должны ссориться – что бы ни случилось.

– Только вот у меня вопрос, – высказался Ванюшка. – Почему все мы всегда слушаемся Нонну?

– Потому что я умней, – сказала Нонна строго. – Потому что я знаю людей.

– Ну, с этим я бы поспорила, – ухмыльнулась Женя. Она тут же припомнила, как год назад Нонна заставила ее встретиться с каким-то жутким мужиком, соседом по даче, только потому, что ей показалось, что они идеально подходят друг другу.

– Он сморкался в траву и постоянно рассказывал про свой холестерин. Что в этом идеально мне подходит? – возмущалась Женя. – И, кстати, почему ты сама не стала с ним встречаться? Если он такой клад?

– Он тоже, как ты, занимается бухгалтерией, – фыркнула Нонна, попавшая под раздачу. – И у нас с ним разные политические взгляды. У него они есть, а я этого не терплю. После всех этих собраний в нашей школе я стала агрессивно аполитична.

– А я тоже аполитична! И сколько раз можно повторять, что я занимаюсь НЕ бухгалтерией, а маркетингом! – возвела очи к небу Женя.

Нонна, Анна и Олеся переглянулись.

– А в чем разница? – пожала плечами Нонна.

– Это реально разные вещи, – кивнул Ванька с умным видом.

– Ну, не знаю. Во всяком случае, я не просила меня сводить с таким типом, – фыркнула Женя. – А Анна? Ты вечно говоришь, что ей надо устраивать жизнь. А сколько раз ты

вызывалась посидеть с детьми, чтобы у нее был свободный вечер? А? Не может же она отпрашиваться у матери своего покойного мужа.

– Однажды я ее просила, а она сказала, что ей некогда, – подняла палец Анна.

– А я помню это, – кивнула Олеся, презрительно игнорируя умоляющий взгляд Нонны. – Она мне потом сказала, что ненавидит сидеть с детьми и не знает, чем их кормить – готовить ей лень. А ведь она учитель!

– Что? – изумилась Анна. – Ты ненавидишь моих детей?

– Нет, что ты, – нервно улыбнулась Нонна. – Я ненавижу *сидеть* с детьми. У меня профессиональная деформация. А твоих детей я обожаю!

– Тогда, может, возьмешь их летом с собой на дачу? – язвительно подбросил Ванюшка.

– У меня слишком маленький дом, – испугалась Нонна, хотя этот аргумент смотрелся жалко и недостойно. – Впрочем, ладно! Я их беру! Да! Что вы еще от меня хотите?

– Как будто я их тебе так возьму и отдам, – покрутила головой Анна. – Чтобы ты их заморила голодом?

– Не тронь детей! – сказал Ванюшка преувеличенно громким голосом.

Именно в этот момент на пороге гостиной бесшумно возникла похожая на кару небесную Бабушка Ниндзя.

– Что вы орете? Я мальчишек пытаюсь уложить! – Она покачала головой и снова исчезла, негромко, но крайне вы-

разительно хлопнув дверью.

Атмосфера скандала раскололась, и все пришли в себя. Все застыли на местах, озираясь и пытаясь понять, что ж это было – наваждение, программный сбой, сглаз? Наконец Анна посмотрела на Олесю, и лица у обеих стали виноватыми. Олесю прорвало первой.

– Я такая свинья! – воскликнула она, на сей раз искренне. – Как я могла тебе все это наговорить? Ань, ты простишь меня? Скажи, что простишь, а то я не представляю, как буду без тебя жить.

– Это ты прости меня, – моментально подхватила Анна. – Это я не должна была на вас все это вываливать. И потом, ты же совершенно права – я не имею права все это вываливать вот так и тем более обвинять Володю хоть в чем-то.

– Но ты же живой человек, – возмутилась Олеся. – Ты имеешь право реагировать на такие вещи, как хочешь. Ведь ты же все тянешь, ты на себе совсем крест поставила. Мы должны тебе больше помогать.

– Ничего вы мне не должны. Ох, Олеська! – И тут, соответственно, Анна и Олеся принялись обниматься и рыдать. Конечно, такое мероприятие не могло не затронуть и остальных. Женька тут же включилась в процесс обнимания.

– Значит, у вас все хорошо, а я одна – негодяйка? – надулась Нонна, после чего тут же была прощена и принята в куча-мала обниматься. Все заявили, что в целом она действительно достаточно хорошо знает, чего и кому из них надо в

жизни, так что ее вмешательство никому жизнь не разбило. А что до того соседа с дачи, бывают и ошибки, никто от них не застрахован. И потом, у Женьки все равно бывали варианты и похуже.

– Взять хоть моего МММ. Заставил меня таскать плитку!

– Скотина! – согласились все и повернулись к Ванюшке с одинаковыми выражениями лиц.

– Что? – посмотрел он на них с опаской. – Крови жаждете?

– Все мужики – козлы, – заявила Нонна, и Ванюшка подскочил на диване.

– Нет, ну какие вы, девушки, скучные. Все вам мужики виноваты.

– У тебя, кажется, сессия на носу! – нахмурилась Анна и сделала шаг вперед.

– Где? – Ваня ощупал нос, но никто не рассмеялся.

– А ты только у сестры пироги трескаешь. Иди, мальчик, и учи, что там тебе надо учить, – строгим тоном велела Женя. – Чего ты, кстати, должен сдавать?

– Не твое дело. Географию и экологию, – надулся Ванюшка. – Чего вы все на меня набросились? Фурии!

– У меня нет образования, и ты хочешь без него остаться? – прищурилась Анна. – Знаешь ведь, что мы тебе только добра желаем.

– Мы хотим, чтобы ты стал человеком, – прошипела Нонна, точно змея.

– Чтобы стал экологом, – добавила Женя тоном, от кото-

рого Ванюшку передернуло.

Они приближались, и, наконец, Ванюшка принял правильное решение и ретировался. Все равно было ясно, что преферанса сегодня уже не будет. Какие уж тут карты! Ночь на дворе, за окном прямо над Строгинским заливом висела круглая, как блин, белая сияющая луна.

– Беги-беги! И чтобы без зачетки не появлялся! – прокричала ему вслед Нонна своим идеальным административно-командным голосом.

Девушки переглянулись. Вечерок, м-да.

– Так ты говоришь, Максим вернулся? – переспросила Анна.

– Наконец-то! – улыбнулась Олеся. – Давайте поговорим обо мне.

– Может, пойдем погуляем? Ночь-то какая, – предложила Анна, и через пять минут четыре фигуры выскользнули из подъезда башни с летающей тарелкой на крыше. Ночь действительно была прекрасна – иногда случается такое в конце мая. Теплый ветер, темно-синее небо, полнолуние. В самый раз для чудес.

* * *

Иметь парк прямо под окнами – роскошь, мало кому доступная из москвичей. А у жителей Строгино она была в полном распоряжении. Деревья только недавно покрылись со-

всем еще свежей молодой зеленью, листва распространяла в воздухе тонкий, неподражаемый аромат весны. Несмотря на поздний час, парк не спал, – не то что зимой. С наступлением весны он проснулся, шумел ветвями, шелестел волнами залива, бил ими по белым, свежепокрашенным катерам и яхтам, стоящим на приколе около небольшого пирса.

– Володя мечтал, что мы будем с ним здесь ходить под парусом! Заведем себе собственную яхту. Он был помешан на воде, – Анна сидела над водой, на толстой ветке старой ивы, на своем любимом месте, и смотрела на воду. Город был удивительно хорошо освещен луной, громадина «Алых Парусов» возвышалась на противоположном берегу, напоминая о том, как быстро и невообразимо меняется этот мир. Когда Анна гуляла тут в детстве, до знакомства с Володией, противоположный берег был чист. Все меняется.

– И мы меняемся тоже, – вздохнула Нонна. – Посмотрите на нас. Наша жизнь идет, а ничего из того, чего мы хотели, мы не сделали.

– А чего мы хотели? – удивилась Женька. – Последнее, чего я хотела, если не считать МММ, это достать шубу со скидкой – так я этого добилась. Купила в Турции.

– Да разве я об этом, – рассмеялась Нонна. – Скажешь тоже, шуба. На черта тебе шуба? Попросила бы ты лучше ума у Волшебника Изумрудного Города, а, Элли? И гордости.

– А ты себе – стройную фигуру, – обиженно буркнула Женька. Впрочем, обида была притворной.

Анна тихонько шикнула на них.

– Не портите ночь. А то она обидится. Вы видите лунную дорожку? Ночная радуга, да? – восторженно прошептала она.

– Да уж, красота. – И они посидели еще, молча. Но разве могут женщины долго молчать? Нонна встрепенулась и спросила, что бы каждая из них пожелала, если бы имела такую возможность и если бы Волшебник Изумрудного Города существовал в действительности.

– Миллион долларов. Нет, миллиард, – поправилась Женька и тут же задумалась. – А сколько можно желать? Только одно желание и все? Любое? Или только не меркантильное?

– Нет, ну что же это за женщина! – возмутилась Нонна. – Сто тысяч слов в минуту.

– Только одно желание, – сказала Олеся. – Давайте, а? Давайте загадаем, сплетем венки и бросим их в воду, как на Ивана Купалу. Вдруг сбудется? Ведь каждой из нас есть что пожелать.

– Я не знаю, чего мне желать, – наморщила лоб Нонна. – Иногда мне кажется, что я ничего не хочу, кроме того, чтобы моя школа сгорела до основания. Но это не решит моих проблем, если сбудется. А проблемы у меня тоже какие-то... ну, не для волшебника. Нормальный домик нужен на дачу, честно. Я второй год уже не нахожу себе места – хочу построить нормальный домик, а то в нашем шалаше нам развернуться

негде. Родители как наставят кастрюль со смородиной – все, ни пройти, ни проехать.

– Так, ты пока продолжай думать, – сказала Олеся. – Потому что это все чушь какая-то. Ради этого колдовать не стоит даже.

– А мы будем колдовать? – улыбнулась Анна, спрыгивая с дерева.

– Вопрос в том, где взять цветы для венка? – беспокоилась Женька. – Или можно из веток и травы?

– Плести венок можно из чего угодно, но уже полно одуванчиков, между прочим, а вам, урбанистическим людям, и невдомек, – фыркнула Анна. Она много гуляла в этом парке – с детьми, без детей или совершала утренние пробежки, когда становилось потеплее, так что успевала понаблюдать за изменениями в природе. Она знала тут каждое дерево, каждый куст.

– Одуванчики подойдут, – кивнула Олеся, которая была признана экспертом в области чародейства и колдовства, по крайней мере, на эту ночь. Четыре женщины, перекликаясь и хихикая, собирали одуванчики в ночном парке, подсвечивая себе путь мобильными телефонами.

– Давайте только не будем лениться, нужно сделать реально круто, чтобы все сбылось. И посидеть в этих венках.

– Мне, между прочим, завтра на дачу, – напомнила Нонна.

– Достала! – хором прошипели на нее остальные. – И ты, и дача твоя.

Где-то через полчаса они склонились над кучкой из собранных цветов, веток и травы. Плести венки они разучились, но они никуда и не спешили, им было так хорошо, как только может быть хорошо четверем подругам в пятницу. У Анны, конечно же, получалось лучше всех. Она ловко прилаживала травинки одну к другой, вплетая цветочные головки в венок, чтобы получилось красиво. Анна любила красоту во всем – в природе, в прическе, в том, как одеты ее дети.

– Господи, но почему я не могу быть такой, как ты! – возмущалась Нонна в сотый раз. – Ты посмотри, у меня получается какая-то каракатица. Такое и на голову надевать страшно. Медуза Горгона, ей-богу.

– А чего все-таки мы хотим? – задалась вопросом Олеся. – Загадывать-то чего станем? Неужели банально, мужиков?

– Почему, банально? – пожала плечами Женя. – Это совсем не банально. После многолетней практики могу сказать, что хороший мужик – большое дело. Вымирающий вид, как уссурийский тигр.

– Хороший и живой, – прибавила Анна.

– Да уж, это тоже важно, – согласились все.

– И чтобы не такой, как Померанцев, – попросила Олеся.

– Я вообще не уверена, что мне нужен мужик, – поделилась сомнениями Анна. – Вы же понимаете, у меня ситуация особая. Мне бы просто денег, что ли, побольше. А можно денег без мужика?

– Нет, моя дорогая, – возразила Нонна. – Мужик тебе тоже нужен, просто ты об этом еще не знаешь.

– Для чего? – пожала плечами Анна.

– Для секса, – вмешалась Женька. – Секс очень важен для здоровья.

– Секс? Вы с ума сошли, – замотала головой Анна. – От секса бывают дети, разве нет?

– Господи, ну ты как ребенок, – всплеснула руками Нонна. – Теперь такая хорошая контрацепция. А тебе просто нужен не абы какой мужик, а он должен быть серьезный, добрый, обеспеченный и готовый взять на себя ответственность, это раз. И чтобы был физически привлекателен тоже. Это обязательно.

– Да? Это не раз – это все пять. А еще чтобы он был не старый, чтобы никакого риска по инфарктам там и так далее, и чтоб не курил. И не пил, – добавила Женья.

– Это само собой, – одернула ее Нонна.

Анна ловко подвязала березовую ветку, и она обрамила венок сверху на манер перьев на шляпах танцовщиц из кабаре.

– Ну не знаю. Он же должен понравиться моим детям и моей свекрови! – Она сделала упор на «И». – У него не должно быть никаких финансовых проблем, не должно быть профессии, связанной с риском. Он должен иметь серьезные намерения, должен быть готов стать отцом моим детям.

– Должен выплатить твои долги, – подбросила Олеся.

– Короче, мы поняли, тебе нужен ангел с нимбом на голове, – хмыкнула Женя. Анна вздохнула.

– Когда я думаю о том, какой мужчина может мне подойти, то начинаю понимать, что мне лучше остаться одной. Ну, где можно найти такого? Чтобы взял меня со всеми моими проблемами, да еще чтобы я его полюбила, потому что если я его не полюблю – мне все это вообще не нужно. После Володи мне очень сложно смотреть на мужчин. Знаете ли, он был...

– Знаем, – ответили девушки хором.

– Отлично. Значит, что мы имеем, – подвела итог Олеся. – У нас есть одна с завышенными требованиями к чуду и одна – с абсурдными, дачно-строительными мечтами. Теперь ты, Женька?

– Я бы хотела... я бы хотела... – Женька тянула, мечтательно глядя вдаль, на водную дорожку света. – Я бы очень хотела зарабатывать так много денег, чтобы мне все было по барабану.

– Что? – все застыли в изумлении. – И ты туда же? Деньги? Ты не заказываешь себе любви?

– Я столько раз уже ее заказывала, а ее все не приносят и не приносят, – ухмыльнулась Женька. – Она уже, наверное, протухла. Да, хорошо бы, знаете ли, встретить кого-то, с кем бы мне было легко. Чтобы я могла с ним смеяться. И материться. И чтобы он не был женат и не заставлял меня таскать керамо-гранитную плитку. Чтобы уважал меня. Но это

же абсурд, не человек, а биомикс какой-то. А в реальности я все время притягиваю МММ, а потом таскаю плитку, поэтому, если уж желать... Мне двадцать девять лет, я все еще снимаю квартиру, не очень верю в олигарха, который придет и все поправит в моей жизни. Так что я хочу денег, чтобы я могла взять ипотеку.

– Ипотеку? – вытаращилась Олеся. – Ничего себе мечта.

– Ипотеку и любви, – добавила Женька. – Так пойдет?

– Э, постойте, а что мне делать, если я хочу и любви, и дачный домик побольше? – задумалась вдруг Нонна, но все от нее отмахнулись.

– Тебе – домик. Никакой ты любви не хочешь. Похоже, как и все мы.

– Мне нравится наш физрук, – обиженно возразила Нонна.

– А может физрук ей построить домик побольше? – задумалась Женька. – Он же сильный.

– Зашибись! – восхитилась Олеся. – Значит, домик с физруком, ангел без вредных привычек и материальных проблем и... что там получилось у Женьки? Ипотечный кредит. Что ни говори, а мы умеем мечтать!

– Не то слово, – согласились все. – А ты-то что хочешь? Избавиться от Померанцева? Найти кого-то попримечнее? Добиться славы?

– Я-то? – протянула Олеся с загадочным выражением лица. – Да, конечно. Именно того, что вы сказали.

— А нам идут венки, — улыбнулась Анна, оглядывая по-друг, лежащих на траве в венках, сплетенных с разной степенью умения и старания. Очень разной. Если смотреть на них со стороны, то зрелище и вправду могло показаться загадочным. Олеся была бы пиковой дамой, цыганкой. Она лежала, непринужденно забросив ногу на ногу, венок выгодно оттенял ее черные волосы. Нонна была разбойничьей атаманшей, закутанной в цветастый платок, с растрепанным венком, ша-тенка. Женька, скорее нелепая на несуразно длинных каблук-ках, перепачканных землей. Она насадила венок на причес-ку, сделанную гениальными руками Анны. Стоила Жене эта красота около пяти тысяч рублей, если считать цену за крас-ку и ламинирующий состав. Она могла бы быть Несмеяной, с ее вечно потухшим лицом, уставшими глазами. Женька бы-ла красива, но безжизненна, как Марс. Ее дорогому платью и элитной косметике недоставало заразительной улыбки. Где только ее продают, на какой распродаже?

Анна сидела на ветке в длинном платье, сшитом собствен-ными руками, и босая, она сбросила шлепки на землю и бол-тала ногами, разглядывая свое отражение в освещенной лу-ной водной глади. Изящный венок на ее соломенных волосах смотрелся сказочно, причем в прямом смысле этого слова. Она была Русалкой с картин Васнецова. Русалкой без прин-ца. Она сидела на дереве, склонившись к воде, и можно было подумать, что она все еще ждет, когда на горизонте появится его корабль.

– Ну что, бросаем их? – спросила с нетерпением Нонна.

– А куда спешить? – лениво зевнула Олеся. – Так хорошо, да? А как узнать, сбудется желание или нет? – спросила она.

– А очень просто, – хмыкнула Анна. – Если ты завтра приежаешь на свою дачу, а там физрук с топором обтесывает бревна – то это верный знак, что сработало.

– Ладно, девчонки. Бросаем? – поддержала Нонну Женя.

Они встали и спустились к воде. Каждая из них старательно убеждала себя, что это все не больше чем шутка, баловство и что в такую ерунду не стоит верить всерьез. И все же... В тот самый момент, когда венки коснулись воды, каждая из них невольно подумала о том, чего хотела на самом деле больше всего, и, понятное дело, это было вовсе не то, о чем они говорили вслух.

Когда Нонна подошла к воде, в ее голове отчетливо прозвучала мысль – хочу похудеть. Черт его знает, откуда она взялась в ее голове.

– Что-то тяжело пошел, – отметила Олеся. – Чем-то ты его перетяжелила.

– Или просто я недостаточно туда веток всунула. Площадь контакта с водой маленькая, а вес тяжелый, – огрызнулась Нонна, запоздало пытаясь добавить к желанию, чтобы все-таки и любовь.

Потом настала очередь Женьки. Она долго стояла на берегу, стараясь приладиться к небольшим волнам, высчитывая правильное направление ветра и все такое. Конечно, в по-

следний момент перед ее мысленным взором возник МММ, которого она постаралась отогнать. Но что поделать, она верила в любовь, а не в деньги. Она подбросила венок и подумала, что хотела бы раз и навсегда покончить с этим бесконечным одиночеством, от которого порой хочется выть. Венок упал на воду, покачался там немного и застыл на месте, в чем Женька тут же усмотрела недоброе предзнаменование.

– Мое желание точно не исполнится, у меня ничего и никогда не получается, я невезучая. Вот, Нонкин уже скоро до середины пруда дотянет.

– Это не пруд, это затон, – поправила ее Анна. – И потом, какая разница, как далеко они уплывут?

– Вообще-то разница есть, – заявила Олеся. – Венки должны плыть, но главное, чтобы боги земли, воды и воздуха приняли наши просьбы и забрали венки себе. На следующий день их уже не должно тут быть.

– А куда они денутся? – усмехнулась рациональная Нонна.

– Разве это важно? – фыркнула Олеся, опуская свой венок в воду. Он закрутился на месте, а потом так и поплыл, не переставая раскручиваться, как заведенный, и Олеся вполне понимала почему. Ее последняя мысль была о том, что вообще-то она бы хотела, чтобы Померанцев тоже без нее бы не мог. Чтобы он ее полюбил. Она вдруг пожелала, чтобы он остался. Вот дура! Венок медленно пополз к берегу, заставив Олесю вздрогнуть, но потом подул ветерок, и она выдохнула с облегчением. Настал черед Анны. Она вышла к воде,

залезла на свою ветку и провела рукой по воде.

– Холодная какая, – поежилась она.

– А какая она должна быть в мае месяце?

– Ну, да, – кивнула Анна и снова застыла в нерешительности. Она вдруг вспомнила их с Володей первый год, когда они были так сумасшедше прекрасно влюблены. Он взял ее с собой в тур по Волге, они стояли в капитанской рубке и смотрели, как перед ними расстилается река, а нос корабля разрезает воду напополам, оставляя глубокий след. И ветер бил ей в лицо, а Володя держал ее в своих объятиях, и она была в тот момент так отчаянно счастлива! Воспоминания об этом коротком моменте затмили все остальные желания и мечты, и, бросая венок, Анна вдруг отчетливо вспомнила, как они с Володей целовались на палубе, и она возмечтала о том, что было совершенно невозможно. Она захотела снова оказаться в Его руках и почувствовать Его дыхание около своего лица, и чтобы сердце застучало от неопишуемого волнения, а голова пошла кругом от того, какое это счастье – быть вместе, какое это счастье – любить.

– Смотри, как поплыл! – воскликнула Олеся, глядя на цветочный венец, который уносил вдаль попутный ветер.

Анна вздрогнула и пришла в себя. И тут же пожалела, что забылась и не загадала ничего из того, что собиралась. Подумать только, какая глупость – мечтать об умершем муже, когда все, чего она хочет, – это хоть немного ожить.

– Ну что ж... – улыбнулась Женя. – Всем спасибо, все сво-

бодны?

– Я совсем не уверена, что знаю, чего на самом деле хочу, – покачала головой Олеся. – И как часто я сама себе желаю того, от чего потом плачу.

– Надеюсь, ты не загадала ничего... предосудительного? – с подозрением уставилась на нее Нонна.

Олеся ничего не ответила, только пожала плечами. Вступилась Анна:

– Уверена, мы все хотим одного – быть счастливыми.

– Да! – согласились все. – Счастье – вот чего нам всем не хватает. А уж что оно такое, что за зверь – неизвестно.

– Значит, счастья вам, женщины? – ухмыльнулась Олеся. – Ну, что – по домам, девчонки?

– По домам, – Анна оглянулась, заметив с сожалением, что темнота синего неба рассеивается. Ночь пошла на убыль, и круглая луна начала тускнеть, и белая дорожка стерлась с водной глади.

Уже потом, лежа дома в постели, Анна тихо плакала, стараясь не разбудить дочь, спящую на кровати напротив. Женька вернулась в свою съемную квартиру и тоже плакала, глядя на просыпающуюся Москву из своего окна. Олеся... той тоже было о чем поплакать. Померанцев ушел, его не было в ее квартире, когда она туда вернулась. Олеся вытирала слезы, стараясь думать позитивно и пытаясь убедить себя, что так будет лучше. Только Нонна не плакала, она уснула сразу, помня, что завтра ей вставать рано и ехать на да-

чу. Нужно было высаживать рассаду, к тому же не терпелось посмотреть, что еще возшло с прошлых выходных. Битва за урожай уже началась.

И на следующий день у каждой из них было слишком много проблем и забот, чтобы вспоминать о том, как они развлекались ночью. Но если бы они все же нашли время, пришли к своему дереву и посмотрели бы в воду, то увидели бы, что ни следа от четырех венков не осталось. Куда они делись? А кто его знает, действительно. Может быть, утонули? Скорее всего. И все же, их нигде не было видно. Что бы это значило?

Бабы – дуры, четыре штуки

Три дня – целых три дня, а точнее, семьдесят шесть часов и примерно двадцать восемь минут продержалась Олеся. До самой глубокой ночи понедельника. И все эти семьдесят шесть часов она была противна самой себе за то, что никак не может изгнать мысли о Максиме из своей головы. Она провела выходные дома, за уборкой своей захламленной квартиры, старательно уверяя себя, что – нет-нет-нет, она вовсе не потому убирается, что надеется снова увидеть тут Померанцева и хочет произвести на него благоприятное впечатление, хотя и запоздалое.

– Я просто хочу привести в порядок свой внутренний мир, – сказала она своему отражению после того, как выли-зала полы и окна.

– Кого ты лечишь? – ответило ей «свет-зеркальце». – И потом, он больше не придет. Ты же его знаешь. У тебя был шанс, но ты убежала.

– Я вовсе не хочу, чтобы он пришел. Я с ним рассталась! – воскликнула она и фыркнула от возмущения. Что плохого в том, чтобы разобраться как следует в доме? Чисто для себя. Все равно же больше нечем заняться. Да?

Нет, это было не совсем правдой. Во-первых, поверившая в угрозу возможного возвращения Максима Нонна позволила еще в субботу утром и предложила Олеся немедленно

приехать к ней на дачу, где она сможет провести эти дни с пользой и без риска встречи с Померанцевым. Нонна пообещала встретить ее на станции и доставить к недовскопаным грядкам в лучшем виде.

– Я не могу копать, у меня прослушивание в понедельник, – соврала Олеся. – Мне нельзя портить маникюр.

– Тогда будешь готовить еду, – парировала Нонна. Все подруги, допущенные к ее даче, были обязаны зарабатывать свой отдых – это было правило, установленное матерью Нонны, женщиной исключительно гостеприимной и исключительно рациональной. Ни одна пара рук не оставалась без дела.

– Я лучше в следующие выходные приеду.

– А я сделаю шашлыки, – заманивала ее Нонна, но Олеся все же устояла. Вовсе не ради того, чтобы сидеть дома и ждать Померанцева. Нет-нет, как вы могли подумать. Вот же, она же вышла за йогуртом, верно? Сходила в магазин, и даже не дергалась из-за того, что он, возможно, именно сейчас решил снова заглянуть. Потому что не ждет она его, не ждет! А зачем ей йогурт с облепихой, который она терпеть не может?

– Да, зачем ты купила любимый йогурт Померанцева? И пиццу? Кому ты врешь, Олеся? – Олеся врала самой себе, причем неумело. Померанцев не звонил. Не приезжал. Он не оставил записки, из чего следовало сделать утешающий вывод, что он все понял правильно. Вывод Олесю расстроил

еще больше. Она достала со стеллажа в прихожей коробку, о существовании которой старалась забыть. Дело в том, что далеко не все фотографии она сожгла, как были уверены подруги. Да, Нонна заставила ее высыпать в кастрюлю на кухне почти все. Дом потом пах гарью еще неделю, а соседи до сих пор были уверены, что в тот день у Олеси был пожар. Но несколько фотографий Олеся сохранила. И сейчас она сидела на застеленной покрывалом кровати в исключительно чистой спальней комнате и смотрела на фото, на котором вечно недовольный жизнью Померанцев махал кому-то рукой. Он не смотрел в камеру, его никогда не интересовало, как он получается на фотках, и все же он всегда выходил отлично. Никаких двойных подбородков, зажмуренных глаз – ленивая грация, красивое, мужественное лицо, загар и небритый подбородок. Никого притягательнее Померанцева Олеся не знала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.